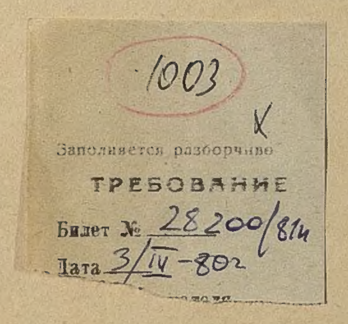

ДБ
Бф 40 -1-
I. И-90
История
освобождения
России-
М,-1918-

ИСТОРІЯ ОСВОБОЖДЕНІЯ РОССІИ

„Исторія Освобожденія Россіи“.

СОДЕРЖАНІЕ:

Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

Исторія Освобожденія Россіи

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ, Крестьянскихъ и Казачьихъ Депутатовъ.

Москва 1918.

Участіе принимаютъ:

В. АВАНЕСОВЪ, АНТОНОВЪ (ОВСѢЕНКО), Н. БУХАРИНЪ, К. ЕРЕМѢЕВЪ, К. ЗАЛЕВСКІЙ, Г. ЗИНОВЬЕВЪ, Ю. КАМЕНЕВЪ, В. КЕРЖЕНЦЕВЪ, Ю. ЛАРИНЪ, К. ЛЕВИНЪ, Н. ЛЕНИНЪ (ВЛ. УЛЬЯНОВЪ), А. ЛОМОВЪ, А. ЛУНАЧАРСКІЙ, Д. МАНУИЛЬСКІЙ, ВЛ. МЕЩЕРЯКОВЪ, В. МИЛЮТИНЪ, Л. ОБОЛЕНСКІЙ, М. ПАВЛОВИЧЪ, М. ПОКРОВСКІЙ, Г. ПЯТАКОВЪ, К. РАДЕКЪ, Я. СВЕРДЛОВЪ, Г. СОКОЛЬНИКОВЪ, Л. СОСНОВСКІЙ, Л. СТАРКЪ, Ю. СТЕКЛОВЪ, И. СТЕПАНОВЪ, Л. ТРОЦКІЙ, А. УСТИНОВЪ, В. ФРИЧЕ и др.

МОСКВА—1918.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Арбатская площ., Филипповскій пер., 11.

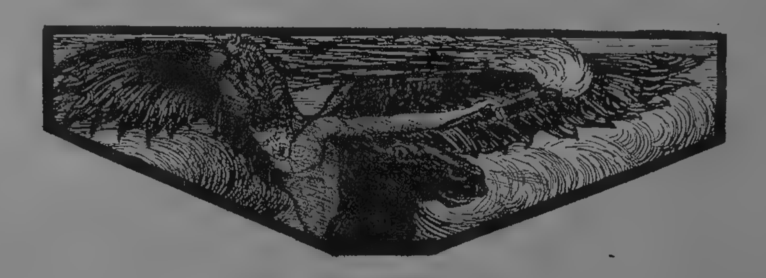
Отъ издательства

„История освобожденія Россіи“ запаздываетъ выходомъ, и это оттого, что она пыталась выйти слишкомъ рано. Лѣтомъ 1917 года, когда задумано было изданіе, еще преждевременно было говорить объ „освобожденіи“: Россія была лишь на́ пути къ тому, чтобы освободиться отъ своего царистскаго прошлаго. Попавшие теперь въ руки совѣтской власти дневники Николая Послѣдняго съ непререкаемостью устанавливаютъ фактъ, давно чувствовавшійся всѣми, безпристрастно и безъ иллюзій наблюдавшими „освобожденную“ Россію Керенскаго: сердце низвергнутаго самодержца билось въ унисонъ съ сердцами тѣхъ, кто его низвергалъ,—точнѣе тѣхъ, кому низвергнувшій Романовыхъ народъ имѣлъ наивность довѣрить продолженіе начатаго имъ дѣла. Въ отзывахъ Николая о Керенскомъ звучатъ теплыя ноты; когда Керенскій долго не пріѣзжаетъ въ Царское, Николай явно тоскуетъ—а когда Керенскій рѣшается, наконецъ, снять маску со своей „свободы“, и на фронтѣ начинаются массовые разстрѣлы, Николай ликуетъ вмѣстѣ съ „временнымъ революціоннымъ правительствомъ“ и безпокоится лишь объ одномъ: не поздно ли? Не слишкомъ ли далеко зашла революціонная гангрена? Можно ли еще спасти царизмъ, не формальный, но царизмъ реальный, подлинный—не „изъѣденную молью порфиру“, а то, что уже десятилѣтіями крылось подъ ней, чему служилъ и самъ Николай и во славу чего были воздвигнуты три тысячи столыпинскихъ висѣлицъ.

Если бы для октябрьской революціи нужно было моральное оправданіе, оно теперь на лицо — въ романовскихъ бумагахъ послѣдней, послѣмартовской, формаціи. При свѣтѣ этихъ бумагъ становится понятно, до чего наивно было умиленіе передъ „освобожденной“ Россіей въ тѣ дни, когда снявшій корону другъ Керенскаго короталъ время, пиля дрова въ почетномъ уединеніи Царскаго. Старый режимъ былъ и физически и психически такъ близко отъ „новаго“, изъ-подъ краснаго цвѣта свѣжевыкрашенной республики такъ еще явственно сквозила черно-бѣло-желтая царская грунтовка, что обратная перекраска была легче легкаго. И если бы не октябрь, Николай или Михаилъ прочно сидѣли бы уже теперь снова въ Зимнемъ дворцѣ, наводя „порядокъ“ при помощи тѣхъ самыхъ чехо-словацкихъ или бѣлогвардейскихъ бандъ, которыя теперь грызутъ стѣны совѣтской крѣпости снаружи — а тогда хозяйничали бы внутри на всей своей волѣ. Только октябрь сдѣлалъ вторую русскую революцію великой—не меньше ея французской старшей сестры. Все, что было раньше, было лишь прологомъ, только въ октябрѣ начался первый актъ драмы—и отъ финала мы еще страшно далеки. „Подводить итоги“ даже теперь рано—рано и на тотъ, почти совершенно невѣроятный, случай, если бы великая русская революція и въ томъ оказалась похожей на свою французскую предшественницу, что осталась бы одинокой въ своихъ національныхъ рамкахъ.

Непредвидѣнная не только первымъ штабомъ сотрудниковъ, принявшимся — или только собиравшимся приниматься — за работу лѣтомъ прошлаго года, но и вторымъ, начавшимъ писать уже въ сентябрѣ, октябрьская революція теперь, естественно, становится главнымъ сюжетомъ книги. Все остальное, не исключая и событій съ марта по октябрь 1917 г., приходится разсматривать, какъ „подготовку", причемъ, быть можетъ, болѣе старые этапы — какъ напримѣръ, рабочая революція 1905 г. — заслуживаютъ даже бо́льшаго, относительно, вниманія, чѣмъ керенщина, какъ таковая. Только первый могучій ударъ народной руки по мономаховой шапкѣ, да дни 3 — 5 іюля (какъ радовался Николай побѣдѣ „революціоннаго" правительства надъ большевиками!), *въ качествѣ событій*, могутъ нѣсколько длительнѣе фиксировать наше вниманіе. Помимо этого, приходится слѣдить лишь за катастрофически быстрымъ процессомъ гніенія буржуазнаго базиса новѣйшей — послѣ 1905 года — романовской надстройки. Идейная программа подлинной революціи, лишь начинавшейся іюльской перестрѣлкой на петроградскихъ улицахъ, была уже, въ сущности, дана въ зарубежной русской литературѣ съ 1914 года; — попытки же воскресить старое народничество были столь же безнадежны, какъ и спѣшная перелицовка цензовой монархіи на „демократическую" республику въ кадетской программѣ. Теперь, слышно, кадеты Скоропадскаго отказались отъ заимствованнаго костюма — и правильно: что за охота быть ряженымъ, котораго самый нехитрый человѣкъ узнаетъ съ перваго же взгляда?

Въ одномъ отношеніи новая книга — и по плану, и по выполненію ³/₄ выпускаемой теперь „Исторіи Освобожденія Россіи" явятся совершенно новой, даже не предусматривавшейся осенью прошлаго года, книгой — держитъ старое обѣщаніе, даже въ большемъ объемѣ, чѣмъ оно было дано: послѣднія главы будутъ не только заключать въ себѣ воспоминанія участниковъ, онѣ будутъ сплошь написаны прямымиили косвенными участниками октябрьскаго переворота. И это, конечно, какъ бы автоматически исключаетъ участіе въ книгѣ людей, по ихъ винѣ или по ихъ несчастію оказавшихся „по ту сторону" октябрьскихъ баррикадъ. Эти баррикады навсегда покончили съ тѣмъ неопредѣленнымъ — и очень часто сомнительнымъ — „республиканцемъ", къ которому иногда въ шутку придѣлывали эпитетъ „мартовскаго". Въ октябрѣ онъ окончательно увялъ — расцвѣтши затѣмъ весной въ образѣ бѣлогвардейской лиліи — цвѣтокъ, который никто не приметъ за республиканскую эмблему. Сотрудники новаго изданія откровенно заявляютъ, что они не ищутъ никакихъ промежуточныхъ цвѣтовъ — и что красное знамя они считаютъ, прежде всего, знаменемъ партіи, ведшей рабоче-крестьянскую революцію осенью прошлаго года, т. е. коммунистической партіи. Подавляющее большинство новаго штаба сотрудниковъ принадлежитъ именно къ этой партіи — и это еще разъ закрѣпляетъ то основное положеніе, что исторія революціи пишется тѣми же руками, которыми она и дѣлалась.

Введеніе

Февральско-мартовская революція 1917 года.

У памятника Пушкина въ Москвѣ.

Съ картины худ. А. Герасимова.

Изданіе Д. Я. МАКОВСКАГО
„Исторія Освобожденія Россіи"

Т-во ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА, Москва

Царизмъ и революція.

М. Н. ПОКРОВСКАГО.

I.

Мистическій царизмъ.

Въ исторіи царизма самое, быть можетъ, замѣчательное — та легкость, съ какою произошло его паденіе. Какими наивными представляются намъ теперь страхи декабристовъ, что однѣ церковныя ектеньи не дадутъ Россіи сдѣлаться республикой! Какими недальновидными слышавшіяся еще десять-двѣнадцать лѣтъ назадъ прорицанія невиданнаго черносотеннаго взрыва въ случаѣ, если революція осмѣлится дерзкой рукой коснуться „помазанника“. „Помазанникъ“ превратился въ административнаго ссыльнаго—и ни одна рука не поднялась на его защиту: а измѣненія текста ектеньи никто, кажется, и не замѣтилъ. Взять республику оказалось легче, чѣмъ конституцію: сорока лѣтъ муравьиной работы было мало, чтобы пріучить россійскую монархію къ европейскимъ формамъ обращенія съ подданными — сорока часовъ было достаточно, чтобъ категорія „подданныхъ“ вовсе исчезла, и чтобы вопросъ объ ограниченіи монархическаго произвола утратилъ всякій смыслъ, потому что некого стало ограничивать. А иные изъ дѣятелей революціи были уже взрослыми, когда одинъ очень умный русскій человѣкъ писалъ: „всякія ограниченія верховной власти въ Россіи, кромѣ идущихъ отъ нея самой, были бы невозможны, и потому, какъ иллюзія и самообольщеніе, положительно вредны“ *).

Въ чемъ секретъ этой легкости? Неужели правъ былъ тотъ петрашевецъ, который, за тридцать лѣтъ до Кавелина, увѣрялъ, что въ Россіи народъ ненавидитъ царя? Или республиканскія традиціи вѣчевой Руси дремали пятьсотъ лѣтъ, чтобы неожиданно пробудиться въ двадцатомъ столѣтіи? Можно быть увѣреннымъ, что если что дремало, еще недавно, въ самыхъ темныхъ глубинахъ народной массы, то это были не республиканскіе идеалы, а остатки вѣры въ мистическій царизмъ. Во имя этой вѣры — пусть наполовину уже не вѣры, а только смутной привычки вѣрить — шли 9 января петербургскіе рабочіе къ Зимнему дворцу: теперь, когда анти-монархическая революція развернулась до самаго логическаго конца, объ этомъ можно говорить свободно, никого не рискуя „соблазнить“. Объективно пролетаріатъ былъ революціоненъ всегда — даже когда русскій рабочій не зналъ слова „революція“: тѣ кто революціи боялся, отлично это понимали, какъ мы скоро увидимъ. Но субъективно въ своихъ мысляхъ и чаяніяхъ, только послѣ кроваваго опыта 1905 года русскій пролетарій окончательно и безповоротно сталъ республиканцемъ. Еще Зубатовъ могъ быть не только провокаторомъ, но и демагогомъ—что же касается Гапона, то онъ былъ прежде всего дема-

*) К. Д. Кавелинъ, „Сочиненія“ II. 964. Эти строки написаны въ 1877 г.

гогомъ, а потомъ уже провокаторомъ. Нужны были поколѣнія придворной жизни, нужна была полная отвычка отъ нормальной, здоровой человѣческой психологіи, чтобы ни послѣдній Романовъ и никто изъ его родни не сумѣли — на счастье русской революціи — стать такими демагогами. А какъ, въ сущности, не трудно было бы обернуть 9 января на пользу романовской династіи! Какъ просто было бы ласково принять рабочихъ, надавать имъ кучу обѣщаній — не болѣе реальныхъ, чѣмъ манифестъ 17 октября — и на десятилѣтіе, быть можетъ, подогрѣть монархическія чувства простыхъ людей, ослѣпивъ ихъ глаза миражемъ, которому даже эти простые люди почти перестали уже вѣрить!

Ибо въ этомъ-то и заключается секретъ легкости республиканской революціи въ Россіи: революціонный миражъ мистическаго царизма сталъ понятенъ народной массѣ — т.-е. стало ей понятно, что это миражъ. До такой степени классовое содержаніе царизма реальнаго, не мистическаго, било всѣмъ въ глаза. Выше мы противопоставляли объективную революціонность рабочаго класса его монархическимъ иллюзіямъ: и это противопоставленіе вѣрно, поскольку мы беремъ революцію въ ея современномъ аспектѣ — какъ революцію республиканскую. Но республиканскіе идеалы пришли въ русскую народную массу сверху: первымъ теоретическимъ республиканцемъ въ Россіи былъ Радищевъ, первыми, кто попытался теорію сдѣлать практикой,— декабристы. „Интеллигенція" у насъ стала республиканской гораздо раньше „народа". Но это отнюдь не значитъ, чтобы народъ въ Россіи былъ кроткой овечкой: объ этомъ кое-что знаютъ русскіе помѣщики. Раньше, чѣмъ стать республиканской, народная русская революція была—не будемъ пугаться этого слова—монархической. Мистическій царизмъ былъ революціоннымъ идеаломъ, ибо его торжество—въ народномъ воображеніи—отождествлялось съ полнымъ крушеніемъ всего соціальнаго строя, такимъ тяжелымъ грузомъ лежавшаго на русскомъ крестьянинѣ. Мистическій царизмъ былъ, уже съ начала семнадцатаго вѣка, революціонной крестьянской идеологіей въ Россіи. Знакомымъ съ русской исторіей должно было бросаться въ глаза, что популярные въ народной массѣ русскіе цари всѣ были нелегальные — или не совсѣмъ легальные. Это легенда, будто народъ любилъ „царя-освободителя", Александра II: вечеромъ въ день его трагической смерти Петербургъ былъ „такой же, какъ всегда", записалъ Валуевъ. А величайшаго изъ Романовыхъ, Петра I, народъ опредѣленно ненавидѣлъ — это фактъ слишкомъ общеизвѣстный, чтобы стоило на немъ настаивать. Зато „солнышкомъ краснымъ" для своихъ вѣрныхъ подданныхъ, казаковъ и бѣглыхъ холоповъ, былъ Названный Димитрій, едва не уничтожившій вовсе холопью кабалу. И когда бояре его костями выстрѣлили изъ пушки, народъ четыре года жилъ вѣрою въ его призракъ — именемъ котораго бѣглый холопъ и вождь холопьей рати, Болотниковъ, приглашалъ крѣпостныхъ „бояръ своихъ убивать и женъ ихъ и имѣніе брать себѣ". Нужна была псевдо-демократическая кандидатура Романовыхъ (вышедшая изъ холопьяго стана, Тушина, и выкрикнутая казаками, которые, конечно, иного ждали отъ царя Михаила, чѣмъ укрѣпленіе крѣпостного права!), чтобы призракъ потускнѣлъ въ глазахъ русскаго крестьянства. А когда, полтора столѣтія спустя, жавшій это послѣднее прессъ снова былъ завинченъ „до отказа", воплощеніемъ народныхъ чаяній опять сталъ „царь Петръ Θеодоровичъ" — котораго палачъ Екатерины II четвертовалъ на Болотной площади, въ Москвѣ, какъ „Емельку Пугачева". И до чего характерны эти уничижительныя прозвища — „Гришка", „Емелька" — которыми оффиціальная традиція награждала царей русской народной массы. Холопій царь — и прозвище ему рабское...

Алексѣй Михайловичъ въ одеждѣ малороссійскаго гетмана.

Не будемъ пускаться въ анализъ историческихъ корней „революціоннаго царизма“: это завело бы насъ слишкомъ далеко. Кое какую реальную почву для монархическихъ иллюзій можно бы найти очень близко отъ перваго выступленія „холопьихъ царей“ — совсѣмъ наканунѣ смуты. Тушинская катастрофа уже со смерти Грознаго носилась въ воздухѣ, и предусмотрительные люди торопились открыть кое-какіе клапаны. „Рабоцарь“ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, несомнѣнно, кое-что дѣлалъ для народной массы, и въ смыслѣ борьбы съ грабежами администраціи, и въ смыслѣ кормленія голодающихъ — быть можетъ, даже до попытокъ урегулировать крѣпостное право: показанія и русскихъ современниковъ (притомъ часто враждебныхъ Борису), и, въ особенности, иностранцевъ слишкомъ единодушны насчетъ общей политики Годунова, чтобы оставалось мѣсто для сколько-нибудь обоснованныхъ сомнѣній именно по поводу общаго характера этой политики, какъ бы ни были спорны отдѣльныя детали. Не даромъ и померъ царь Борисъ почти, какъ полагается „народному“ царю въ Россіи: если не на плахѣ, то и не своей смертью, отравившись передъ лицомъ побѣдоноснаго боярскаго заговора. Проку отъ его заботъ для народной массы было мало — его продовольственная политика, напримѣръ, только обострила голодъ: но народной массѣ такъ мало нужно, чтобы начать ждать и надѣяться. Почему эти чаянія и надежды отливались именно въ эту форму — ожиданія личнаго „спасителя“, отвѣтъ на этотъ вопросъ приходится искать въ народной психологіи, такъ хорошо схваченной недоумѣвавшимъ передъ нею Герберштейномъ: „Всѣ говорятъ — воля государя божья воля; что ни дѣлаетъ государь, все это онъ дѣлаетъ по божьей волѣ; онъ словно какъ ключникъ или дворецкій у Господа Бога, — творитъ то, что Богъ велитъ. Самъ государь, если, его о чемъ-нибудь просятъ, хоть, напримѣръ, объ освобожденіи узника, обыкновенно отвѣчаетъ: если Богъ повелитъ — освободимъ!“ Если мы захотимъ пойти еще дальше въ поискахъ объясненія, намъ встрѣтятся древне-вавилонскій „патэси“, который былъ уже не „какъ бы“, а взаправду, дворецкимъ и ключникомъ бога Нингирсу, и египетскій фараонъ, котораго подданные такъ и называли „великимъ богомъ“ или „добрымъ богомъ“. Мистическій ужасъ и надежда всегда уживались въ этой психологіи, — мало того, они всегда неизмѣнно сопровождали одинъ другую: Перунъ билъ громомъ — но онъ же обезпечивалъ урожай. Хотѣлось, чтобы громовыя стрѣлы поражали злыхъ, а урожай доставался добрымъ: нужно было много времени, чтобы люди привыкли къ полному моральному безразличію и молніи, и урожая. Царская гроза была необходимымъ обезпеченіемъ соціальной справедливости: „если не великою грозою угрозити, то и правды въ землю не ввести“, писалъ русскій публицистъ временъ молодости Грознаго, — „и какъ конь подъ человѣкомъ безъ узды, такъ и царство подъ царемъ безъ грозы“. Этотъ публицистъ вышелъ не изъ народа, но онъ былъ врагомъ бояръ и популярные мотивы ему не чужды. Если не считать малокровныхъ церковныхъ увѣщаній, онъ былъ первымъ, кто на Руси возвысилъ голосъ противъ рабства — наканунѣ торжества крѣпостного права. И онъ первый дерзнулъ поставить соціальную справедливость выше церковнаго благочестія: „не вѣру Богъ любитъ, а правду!“ Кто бы подумалъ, что черезъ сто лѣтъ послѣ этого люди будутъ умирать за единый азъ?

II.

Царизмъ историческій. Московскіе цари и торговый капиталъ.

Бѣда въ томъ, что вся идеологія мистическаго царизма шла противъ теченія. Какъ христіанство въ свое время было отвѣтомъ на кабалу античнаго торговаго капитала — и въ своемъ идеалѣ давало капиталистическій міръ, вывернутый на изнанку, — такъ наши крестьянскіе революціонеры 17—18-го вѣковъ ничего не могли себѣ представить далѣе боярской вотчины, опрокинутой на спину. А потокъ экономическаго развитія несъ совсѣмъ въ другую сторону. Христіанскіе мыслители въ одинъ прекрасный день очутились передъ церковью, которая была такимъ полнымъ воплощеніемъ торговаго и ростовщическаго капитала, что рядомъ съ нею откупщикъ временъ императора Августа казался младенцемъ: когда же они попробовали протестовать, — ихъ объявили еретиками, а та самая императорская полиція, что раньше защищала откупщика, теперь выступила на защиту церкви. Боярская вотчина, гдѣ крестьянинъ былъ рабомъ, рушилась, но на ея мѣстѣ выросло нѣчто, еще болѣе ужасное, — помѣщичье имѣніе, гдѣ крестьянинъ былъ уже рабочимъ скотомъ. И создателемъ этой перемѣны была та самая царская власть, на которой покоились всѣ надежды закрѣпощаемыхъ. Потому что реаль-

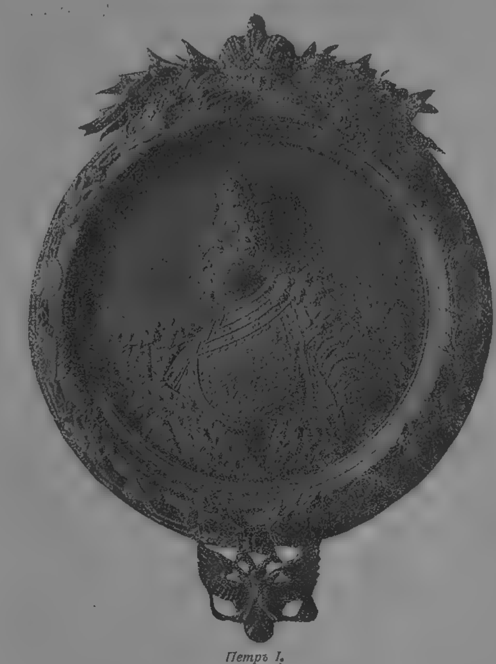
ный, не воображаемый, царизмъ работалъ не противъ экономическаго теченія, а въ его направленіи, самъ, первый, используя для себя каждый шагъ впередъ народнаго хозяйства. Впереди же, для московской Руси первыхъ Романовыхъ, лежало не крестьянское царство божіе, гдѣ у всѣхъ есть земля и воля, а желѣзное царство торговаго капитализма, для котораго неволя работающей массы была первымъ условіемъ существованія.

Въ исторіи народнаго хозяйства, сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ средствъ обмѣна началось гораздо ранѣе сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ орудій производства. Крупное производство стало окончательно, безусловно выгоднѣе мелкаго только съ появленіемъ паровой машины, т.-е. 18-го вѣка: раньше, эксплуатировать отдѣльнаго мелкаго ремесленника, который ничего не стоитъ эксплуататору, часто бывало выгоднѣе, нежели затрачивать капиталъ на постройку зданій и собирать въ эти зданія рабочихъ, которые въ ту, „мануфактурную", эпоху, когда все дѣлалось руками и зависѣло отъ искусства рукъ, обходились, относительно, гораздо дороже, чѣмъ въ нашъ машинный, вѣкъ. Но капитализмъ старше 18-го столѣтія — уже 16-е знало и банкировъ, и крупныя компаніи. Этотъ капитализмъ сложился именно въ области обмѣна. Какъ только этотъ послѣдній принялъ крупный характеръ, какъ только стали передвигаться массы товаровъ — а передвигать товары массой всегда было выгоднѣе чѣмъ возить ихъ по мелочамъ — средства обмѣна должны были концентрироваться въ однѣхъ рукахъ. Самымъ дешевымъ способомъ массоваго транспорта было море: но морской корабль, даже средневѣковой, съ его тысячами пудовъ груза, десятками матросовъ, былъ предпріятіемъ не ремесленнаго типа. „Корабельщикъ" былъ первымъ типомъ предпринимателя — со всѣми его особенностями, включая и незнакомый ремесленнику предпринимательскій рискъ: вспомните Робинзона Крузо. На рискъ шли, потому что и предпринимательская прибыль была велика — какъ хорошо отпечаталось въ пословицѣ: „за моремъ телушка полушка, да рубль перевозу". Но, спроситъ читатель, какое же это отношеніе имѣетъ къ Россіи? Извѣстно, что у насъ флотъ „завелъ" Петръ Великій — который даже и называться сталъ уже не „царемъ", а „императоромъ". Какая же связь между торговымъ капитализмомъ и старымъ московскимъ царизмомъ?

Прежде всего, нужно твердо запомнить, что петровская эпоха была не началомъ, а расцвѣтомъ русскаго торговаго капитализма — который въ эту эпоху поднимался до дерзаній, слишкомъ смѣлыхъ даже и по нынѣшнимъ временамъ. Начатки же относятся къ вѣкамъ, много болѣе раннимъ. Самое возникновеніе Московскаго царства уже связано съ торговыми интересами—какъ всѣмъ давно извѣстно изъ схемы Соловьева, популяризованной покойнымъ В. О. Ключевскимъ. Московскій центръ образовался на перекресткѣ торговыхъ путей—стараго, связывавшаго землю смоленскихъ кривичей съ болгарскимъ Поволжьемъ, откуда восточные товары и восточное культурное вліяніе доходили до Скандинавіи—и болѣе новаго, связывавшаго торговый и промышленный Новгородъ съ земледѣльческимъ „низомъ", главнымъ образомъ, съ хлѣбородной рязанской землей. Сѣвшая на такомъ выгодномъ мѣстѣ московская буржуазія—о буржуазіи въ Москвѣ приходится говорить уже для конца 14-го вѣка, когда городское населеніе одно, безъ князя и бояръ, защищало городъ отъ Тохтамыша—очень рано должна была проявить „великодержавные" аппетиты. Къ сожалѣнію, источники наши слишкомъ скудны, чтобы прослѣдить ея вліяніе на „собирательную" политику первыхъ московскихъ князей—но уже аннексія Иваномъ III Новгорода была типичнымъ актомъ буржуазной политики. Яблокомъ раздора между старой вѣчевой общиной и заново свитымъ гнѣздомъ будущаго царизма былъ крайній сѣверъ Россіи—Двинская земля и Заволочье, нынѣшняя Архангельская губернія, съ ея сосѣдками на востокѣ,—источникъ цѣнныхъ мѣховъ и „Закамскаго" серебра. Москва долго старалась отбить Двину у Новгорода, и взяла ее, наконецъ, вмѣстѣ съ новгородской свободой. Вопросъ объ этой послѣдней былъ, въ сущности, совершенно второстепеннымъ—послѣ первой аннексіи, въ 1471 году, Иванъ Васильевичъ оставилъ вѣчевой строй неприкосновеннымъ: но свобода несовмѣстима вообще ни съ какимъ имперіализмомъ, ни въ 15-мъ, ни въ 20-мъ вѣкѣ. „Активная колоніальная политика", которую вела Москва относительно сѣвера, прежде всего, исключала внутреннюю политическую свободу для нея самое: успѣхъ теорій, обожествлявшихъ великокняжескую власть въ Москвѣ понятенъ не менѣе, нежели апоѳеозъ Китченера и его пріемовъ управленія въ современной Англіи. Для захватовъ и аннексій нужна профессіональная армія—для профессіональной арміи нужна твердая рука. А затѣмъ, разъ имѣлось въ виду ограбить Новгородъ, оставить его свободной общиной было прямо опасно. Оставить же въ его рукахъ монополію заграничной торговли, которой онъ до тѣхъ поръ фактически пользовался, было не

только опасно, но и не выгодно. Такіе акты политики Ивана III, какъ переводъ въ Москву новгородскаго купечества—съ замѣною его въ Новгородѣ московскими иммигрантами—, какъ закрытіе новгородскихъ ганзейскихъ конторъ—что было равносильно перенесенію центра заграничной торговли тогдашней Россіи въ Москву—вытекали изъ этой ситуаціи сами собою.

Пусть не смущается читатель, что мы еще не видимъ моря. Во-первыхъ, водяной путь массового транспорта—не только море: большія рѣки могутъ служить, и всегда служили, этой цѣли не менѣе успѣшно. Вся культура западной Германіи создана Рейномъ. У насъ на Волгѣ уже въ 17-мъ вѣкѣ умѣли строить „насады" въ 2000 тоннъ водоизмѣщенія, съ сотнями бурлаковъ-матросовъ. „Морской" царь Петръ, въ сущности, боролся именно за рѣчной, волжскій путь. Но не будемъ забѣгать впередъ: и море показывается на русскомъ горизонтѣ гораздо раньше Петра. Аннексія Новгорода логически вела не только къ разгрому вѣчевого строя, но и къ борьбѣ за Балтійское море; если эта борьба была отложена на полстолѣтія, то потому, что вниманіе Москвы было занято другимъ концомъ все того же пути — въ промежуткѣ она завоевала Казань. Этотъ успѣхъ окрылилъ надежды московскаго имперіализма—и уже черезъ пять лѣтъ воеводы Ивана Грознаго строятъ на устьѣ рѣки Наровы „корабельное пристанище", по теперешнему, гавань. Обороты нарвской торговли, съ 1557 по 1581 годъ, когда Нарва была потеряна русскими, мѣрялись, если вѣрить Флетчеру, сотнями кораблей и сотнями тысячъ пудовъ груза. „Окно въ Европу" было прорублено гораздо раньше, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Петръ I.
Съ медальона-бюста раб. Растрелли-отца.

III.

Петровскій имперіализмъ и крѣпостное хозяйство.

Но въ серединѣ 16-го вѣка въ расцвѣтѣ были два другихъ имперіализма, хотя соперничавшихъ между собою, единодушныхъ въ своей цѣли: оба жадно заглядывались на само московское царство, какъ на лакомую добычу. То были имперіализмы польскій и шведскій—Польша только что сложилась въ великую державу, удачно аннексировавъ лучшую часть бывшаго литовскаго государства, Швеція, подъ властью потомковъ „торговаго мужика", Густава Вазы, который „нарядясь въ рукавицы, за простого человѣка сала и воску опытомъ пыталъ", готовилась стать великой державой въ слѣдующемъ столѣтіи, и была уже теперь, при Грозномъ, достаточно велика, чтобы дать урокъ издѣвавшемуся надъ ея „торговымъ" государемъ московскому боярству. „Окно въ Европу" было снова заколочено, а въ политикѣ московскаго имперіализма начался большой отливъ, низшей точкой котораго была Смута. Революція—Смута была, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ крестьянской революціей—и имперіализмъ всегда уживались плохо. За это время польскій и шведскій имперіализмы были не такъ далеки отъ своей цѣли; польскій королевичъ уже сидѣлъ на московскомъ престолѣ, кандидатура шведскаго была весьма серьезна, и поддерживалась такими „добронадежными" элементами, какъ князь Пожарскій и его кружокъ. Національную династію спасла казацкая демократія. Оперившись, эта династія не могла дѣлать ничего другого, какъ продолжать имперіалистическую политику послѣднихъ московскихъ рюриковичей. Водяная хорда, связывавшая европейскій Западъ съ Передней и Средней Азіей, линія: Балтійское море—Волга — Каспійское море, пріобрѣтала

теперь исключительное значеніе—по ней легче и скорѣе всего могъ идти въ Европу шелкъ. „Торговля шелкомъ есть, безъ сомнѣнія, самая важная изъ всѣхъ, которыя ведутся въ Европѣ“, писалъ въ серединѣ 17-го столѣтія Адамъ Олеарій. И его земляки, голштинцы, практически подтвердили эту литературную сентенцію, предложивъ Москвѣ, за шелковую монополію, платить ежегодно по 5 милліоновъ рублей золотомъ, на теперешнія деньги. Москва, было, соблазнилась—но у голштинцевъ денегъ не оказалось въ наличности... Старый путь, сворачивавшій съ Волги, отъ Ярославля, на Вологду, и потомъ Двиною на Архангельскъ, заканчивалъ эту хорду новой дугой, отнимавшей $^2/_3$ предпринимательскаго барыша: на Бѣломъ морѣ, благодаря краткости періода навигаціи, торговый капиталъ могъ обернуться лишь разъ въ годъ (русскій шелковый караванъ проходилъ даже только разъ въ три года!), тогда какъ на Балтійскомъ онъ давалъ въ годъ три оборота. Это наблюденіе, за пятьдесятъ лѣтъ до сѣверной войны сдѣланное апостоломъ балтійской торговли, переселившимся въ Ригу фламандцемъ де-Родесомъ, въ одной математической формулѣ резюмируетъ всю философію внѣшней политики Петра. Четвертый Романовъ не успокоился раньше, чѣмъ самый выгодный путь изъ Европы въ Азію сталъ монополіей русскаго торговаго капитала. А утвердившись прочно на

Петербургъ при Петрѣ I.
Съ гравюры того времени.

сѣверномъ его концѣ—съ переходомъ Выборга, Ревеля и Риги къ Россіи она не имѣла здѣсь соперниковъ—онъ сталъ пробивать южный выходъ, и неудача персидскаго похода Петра отмѣтила собою новую остановку въ развертываніи русскаго имперіализма. Въ эту, юговосточную сторону онъ пошелъ только черезъ полтораста лѣтъ—на этотъ разъ уже не за шелкомъ, а за хлопкомъ.

Въ промежуткѣ, развитіе русскаго торговаго капитализма опиралось на растительный продуктъ еще болѣе демократическій—коноплю. По словамъ хозяевъ-практиковъ еще начала 19-вѣка, конопляникъ давалъ прибыли въ нѣсколько разъ болѣе, нежели засѣянное пшеницею поле. Помощники Петра, какъ ни велико было ихъ упоеніе одержанными побѣдами, какъ ни широки были рисовавшіяся имъ перспективы, хорошо понимали уже значеніе этого національнаго товара. Намалевавъ яркую картину русскихъ завоеваній въ Азіи, которыя должны были сдѣлать петровскую имперію соперницей Англіи и Голландіи въ ихъ остъ-индскомъ торгѣ, одинъ изъ прожектеровъ Петра писалъ ему: „матеріалъ пенечной всего вашего государства есть главная и основательная (основная) прибыль, которая потребна есть и всему свѣту для морскихъ плаваній къ корабельнымъ снастямъ и къ канатамъ, такъ же и въ прочія потребы: въ которомъ матеріалѣ состоится основаніе всѣхъ государствъ морского купечества, и безъ котораго не можетъ быть мореплаваніе“. Пусть читатель вспомнитъ, что тогдашній флотъ былъ исключительно парусный, и что паруса и канаты были для него то же, что уголь для

теперешняго флота. Льняные матеріалы, конопля и пенька были главными и очень крупными статьями русскаго заграничнаго отпуска въ 18-мъ вѣкѣ. Хлѣбъ присоединился къ нимъ гораздо позже: только черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ цитированнаго нами сейчасъ Ѳедора Салтыкова другой прожектеръ, секретарь уже третьяго Петра, Волковъ, могъ написать: „хлѣбной здѣшнему государству торгъ натуральнѣе всѣхъ". Раньше хлѣба не вывозили, не потому, чтобы спросу на него не было—въ Россію за хлѣбомъ пріѣзжали еще при первомъ Романовѣ, — а потому, что находили выгоднѣе перекуривать его въ водку. Но конопляники требовали особенно тщательной обработки земли и хорошаго удобренія: работу давали мужицкія руки, навозъ — мужицкій скотъ. Интенсивное хозяйство, создававшееся на Руси торговымъ капиталомъ, все туже и туже стягивалъ узелъ крѣпостного права. На другой день послѣ Смуты юридически только что закрѣпощенный крестьянинъ былъ втрое свободнѣе своего внука.

IV.

„Первый купецъ своего государства".

А параллельно съ ростомъ торговаго капитализма и крѣпостного хозяйства росло и царское самодержавіе. Слово „параллельно" не совсѣмъ хорошо выражаетъ соотношеніе этихъ трехъ процессовъ. Торговый капитализмъ всюду, самымъ фактомъ своего появленія, вносилъ порабощеніе и разгромъ. Точно въ жилахъ современника Робинзона Крузо текла еще кровь его соціальнаго предка, купца-разбойника временъ викинговъ, который въ одномъ углу земли грабилъ, а въ другомъ торговалъ награбленнымъ. Создатель „бѣлаго негра" на русскихъ суглинкѣ и черноземѣ, именно этотъ торговый капитализмъ былъ создателемъ и его прототипа: негроторговля и всѣ ужасные порядки американскихъ плантацій—тоже дѣло рукъ торговаго капитала. Онъ и крестьянская неволя, это не два параллельныхъ явленій—это причина и слѣдствіе. То же самое и относительно царизма. Можетъ показаться, что онъ стоитъ въ какомъ-то внѣшнемъ отношеніи къ торговому капитализму, что онъ какъ-то „способствовалъ" его развитію, и тому подобное. Реальный видъ явленія совсѣмъ другой: самодержавіе росло въ торговомъ капитализмѣ, оно было непосредственно заинтересовано въ его успѣхахъ—ибо это были его успѣхи, успѣхи династіи, успѣхи самодержавія. Связь тутъ была самая интимная—и личная. Уже два послѣдніе царя старой династіи принимали живѣйшее участіе въ торговлѣ—Грозный посылалъ русскихъ купцовъ въ Антверпенъ со своею „бологодѣтью", т. е. со ссуженными изъ царской казны капиталами, — его номинальный преемникъ, Ѳедоръ Ивановичъ, былъ пайщикомъ англійской компаніи, торговавшей въ Россіи, а его фактическій преемникъ, номинально тогда еще только бояринъ, Борисъ Годуновъ,—даже главнымъ пайщикомъ этой самой компаніи, потерявшимъ при банкротствѣ одного изъ ея агентовъ до полумилліона рублей на теперешнія (1917 года) деньги. При первыхъ Романовыхъ явленіе обобщилось и стало еще выпуклѣе. „Царь—первый купецъ въ своемъ государствѣ", говоритъ иностранецъ, описавшій намъ дворъ Алексѣя Михайловича. Всѣ важнѣйшія статьи тогдашняго экспорта—икра, рыбій клей, цѣнные мѣха, а первѣе всего, конечно, шелкъ, такъ же, какъ и важнѣйшій „товаръ" внутренняго рынка—водка, были царскими монополіями. Когда, короткое время, въ 1650-хъ годахъ, вывозили за границу хлѣбъ, монополіей становился и онъ. Крупнѣйшіе коммерсанты страны, гости, были царскими факторами—и, практически, трудно было разобрать, гдѣ

Зданіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ.
Съ акварели Патерсона 1799 г.

кончались ихъ частныя операцiи, и гдѣ начиналась ихъ роль, какъ довѣренныхъ торговыхъ агентовъ царя. Пятьдесятъ лѣтъ спустя явленiе только стало еще рѣзче. „Здѣшнiй дворъ", писалъ о петровскомъ дворѣ англiйскiй посланникъ, „совсѣмъ превратился въ купеческiй: не довольствуясь монополiей на лучшiе товары собственной страны, напримѣръ: смолу, поташъ, ревень, клей и т. п. (которые покупаются по низкой цѣнѣ и перепродаются съ большимъ барышомъ англичанамъ и голландцамъ, такъ какъ никому торговать ими, кромѣ казны, не позволяется) они захватываютъ теперь иностранную торговлю: все, что имъ нужно, покупаютъ заграницей черезъ частныхъ купцовъ, которымъ платятъ только за комиссiю, а барышъ принадлежитъ казнѣ, которая принимаетъ на себя и рискъ". Хотите видѣть документальную иллюстрацiю къ этимъ словамъ? Возьмите указъ Петра отъ 2 марта 1711 г., и вы тамъ найдете: „векселя исправить и держать въ одномъ мѣстѣ; товары, которые на откупахъ или по канцелярiямъ и губернiямъ, осмотрѣть и освидѣтельствовать; о соли—стараться отдать на откупъ и попещися прибыли у оной; торгъ китайской, сдѣлавъ компанiю добрую, отдать; персидской торгъ умножить и армянъ какъ возможно приласкать и облегчить, въ чемъ пристойно, дабы тѣмъ подать охоту для большаго ихъ прiѣзду". Наказъ отъѣзжающаго главы фирмы приказчикамъ, которые остаются вести дѣло... А съ этого наказа начинается исторiя „Правительствующаго Сената"—ибо къ нему адресованы цитированныя сейчасъ строки.

Мы такъ далеки отъ мистическаго царизма, отъ царя-провидѣнiя, устанавливающаго на землѣ правду „царскою грозою", что, боимся, читатель о немъ уже забылъ. Теорiи консервативнѣе жизни—онѣ ведутъ призрачное существованiе долго послѣ того, какъ исчезли объективныя условiя, которымъ онѣ были обязаны своимъ появленiемъ на свѣтъ. „Первый купецъ своего государства" выступалъ передъ народомъ въ тяжеломъ облаченiи византiйскихъ императоровъ, копируя этихъ послѣднихъ съ точностью почти иконописнаго „подлинника". Каждый шагъ его внѣ дворца—и даже внѣ интимныхъ покоевъ его дворца—былъ обставленъ разъ навсегда почти религiознымъ ритуаломъ. Свою имперiалистическую политику онъ по старому освящалъ интересами православiя: начавъ великую тяжбу съ Польшей изъ-за Украины—первый шагъ великорусской державы къ Черному морю!—московское правительство не нашло лучшаго предлога, чѣмъ обиды, чинившiяся польскимъ католическимъ правительствомъ православнымъ монахамъ. Но какъ ни упряма теорiя, приходитъ и ея чередъ. Правда жизни просачивалась сквозь ритуалъ, и когда изъ-подъ пера Котошихина выходитъ живая сценка московскихъ „гилевщиковъ"—инсургентовъ, по теперешнему—держащихъ царя Алексѣя за пуговицы его кафтана, вы чувствуете, что какая-то перемѣна совершилась. Кому пришло бы въ голову взять за пуговицы Грознаго? Но тамъ былъ прирожденный царь—а не-царское происхожденiе Романовыхъ всѣ слишкомъ хорошо помнили. Четвертому представителю династiи надоѣло рядиться—и онъ явился передъ подданными тѣмъ, чѣмъ былъ, въ короткомъ нѣмецкомъ платьѣ, съ ухватками голландскаго шкипера. А византiйскiй ритуалъ сталъ теперь уже настоящимъ маскарадомъ, безъ всякой, хотя бы показной, мистики. И когда, вмѣсто торжественнаго шествiя на осляти, всешутѣйшаго патрiарха повезли на верблюдѣ „въ садъ набережной къ погребу фряжскому", у людей, сохранившихъ способность къ мистическимъ настроенiямъ, весь мiръ перевернулся въ глазахъ. Верхъ сталъ низомъ, и на мѣстѣ земного бога почудилась зловѣщая фигура антихриста. Раскольническая картинка, гдѣ въ „воинствѣ антихристовомъ" не трудно узнать петровскихъ преображенцевъ, по своему вѣрно передала совершившееся: реальный царизмъ, торжествовавшiй въ образѣ перваго императора всероссiйскаго, былъ прямою противоположностью царизму революцiонныхъ крестьянъ, шедшихъ когда-то за Димитрiями. А на мѣстѣ теорiи всемiрнаго православнаго царства выросла русская перелицовка теорiи общественнаго договора, самое возникновенiе государственной власти сводившая къ торговой сдѣлкѣ: вы намъ столько-то порядка, мы вамъ за это столько-то нашей свободы. Первоисточникъ этого извода договорной теорiи не даромъ былъ въ Англiи Робинзона Крузо.

Въ основѣ россiйскаго „порядка" лежало крѣпостное право—и это, повторяемъ, не случайность: вся система торговаго капитализма, сосредоточенiе средствъ обмѣна при господствѣ мелкаго производства, неизбѣжно требовала „внѣэкономическаго принужденiя" въ максимальной дозѣ. Царизмъ былъ такимъ же естественнымъ увѣнчанiемъ этого зданiя въ Россiи, какимъ въ Англiи 16-го—17-го вѣковъ былъ деспотизмъ Тюдоровъ и Стюартовъ, во Францiи абсолютизмъ Людовика XIV. Чтобы самостоятельнаго мелкаго производителя заставить отдавать свой продуктъ, нужно было этого самостоятельнаго — экономически — хозяина лишить всякой политической самостоятельности. Въ Россiи цѣль достигалась наиболѣе грубымъ сред-

Bescranie.

ствомъ: полнаго личнаго порабощенія; въ Англіи и во Франціи средства были болѣе культурныя, но смыслъ явленія оставался тотъ же. И онъ оставался однимъ и тѣмъ же на всемъ протяженіи „классическаго" періода россійской имперіи—отъ Петра I до Николая I включительно. Внутри страны, рядомъ съ тщательной охраной права помѣщика выколачивается „прибавочный продуктъ" изъ „его" крестьянъ, искусственно додѣлывается водный путь, который природа оставила незаконченнымъ: сѣть каналовъ, связывавшихъ Волгу съ Балтикой, заканчивается какъ разъ въ началѣ 19-го вѣка.

V.

Внѣшняя политика Романовыхъ.

Во внѣшней политикѣ неуклонно преслѣдуются тѣ же задачи. Россія ведетъ три войны съ Швеціей и успокаивается не прежде, чѣмъ послѣдняя была отброшена за Ботническій заливъ — путь изъ западной части Балтійскаго моря въ Неву теперь былъ всецѣло въ русскихъ рукахъ. А когда сознали, что „хлѣбный здѣшнему государству торгъ натуральнѣе всѣхъ", и начался вывозъ пшеницы, началась вѣковая борьба за „проливы" — къ черноземнымъ губерніямъ всего ближе было Черное море. Торговый капиталъ царилъ въ Мономаховой шапкѣ — и судьба физическихъ носителей этой послѣдней зависѣла отъ того, насколько они умѣли угадать интересы настоящаго хозяина. Павелъ I, какъ извѣстно, погибъ потому, что несвоевременнымъ разрывомъ съ Англіей остановилъ внѣшнюю торговлю Россіи*). Менѣе извѣстно — по крайней мѣрѣ, меньше обращаютъ на это вниманіе —что и его старшій сынъ, сентиментальный и мистически настроенный Александръ Павловичъ, какъ бы ему самому ни рисовались задачи его внѣшней политики, фактически руководился въ ней интересами торговаго капитала. Союзъ съ Франціей, втягивавшій Россію въ сѣть „континентальной блокады", былъ выгоденъ русской крупной промышленности—подъ защитой огромной таможенной стѣны, воздвигнутой Наполеономъ, она стала быстро развиваться. Но это былъ смертельный ударъ для русско-англійскаго торга—и этого было достаточно, чтобы Александръ, какъ бы онъ ни „ненавидѣлъ англичанъ", сталъ ихъ союзникомъ и противникомъ Наполеона. Оффиціальная легенда приписывала этому послѣднему нападеніе на Россію — опубликованные въ послѣдніе годы документы не оставляютъ никакого сомнѣнія, что нападеніе задумано было въ Петербургѣ. Еще ни одинъ полкъ „великой арміи" не началъ своего марша къ русской границѣ, когда Александръ писалъ (лѣтомъ 1811 года—ровно з а г о д ъ до начала Отечественной войны): „Если Англія желаетъ видѣть Россію способной оказать дѣйствительное сопротивленіе Франціи, она должна помочь заключенію мира съ Турціей на условіяхъ, почетныхъ для Россіи. Существенно также, чтобы Англія помогла Россіи нести издержки, которыя влекутъ за собою столь огромныя вооруженія (т. е. вооруженія, необходимыя для борьбы съ Наполеономъ):

Павелъ въ одеждѣ великаго магистра Мальтійскаго ордена.

---

*) Глава заговорщиковъ, Зубовъ, началъ свою рѣчь къ нимъ съ указанія на „безразсудность разрыва съ Англіей, благодаря которому нарушаются жизненные интересы страны и ея экономическое благосостояніе". (Записки Чарторыйскаго).

если бы она могла, напримѣръ, взять на себя голландскій долгъ, цѣль была бы достигнута. Если, при посредствѣ Англіи, мы добьемся такихъ результатовъ, Россія тотчасъ же прекратитъ свою ссору съ Англіей и откроетъ послѣдней свои порты, потому что она тогда въ состояніи будетъ отбить, неизбѣжное въ этомъ случаѣ, нападеніе Франціи". Тѣмъ временемъ велись дѣятельные переговоры съ Испаніей и, черезъ посредство испанскихъ агентовъ, съ самой Англіей. Въ январѣ 1812 г. переговоры зашли такъ далеко, что испанцы потребовали документа, и имъ было показано письмо Александра, гдѣ говорилось: „Россія, благодаря своимъ вооруженіямъ и аттитюдѣ, которую она приняла, оказываетъ существенную услугу Испаніи, отвлекая къ сѣверу огромную массу французскихъ силъ, которыя иначе были бы направлены противъ Испаніи. Безъ союзнаго трактата, эти два государства идутъ путемъ, который помогаетъ имъ быть полезными другъ другу". Дальше рисуется планъ уже военныхъ дѣйствій, и суть этого плана сводится къ тому, чтобы Испанія, воспользовавшись войной на сѣверѣ, постаралась „перенести войну въ самое сердце Франціи". Весной того же года въ союзъ съ Россіей вошла (все это было секретно, разумѣется) еще и Швеція — была готова новая коалиція, въ которой Англія, по плану Александра Павловича, должна была играть роль „кассира". О войнѣ здѣсь (письмо Александра отъ 24 марта 1812) говорилось уже, какъ о вещи, само собою разумѣющейся. Если бы Наполеону удалось завладѣть архивомъ своего противника, онъ безъ труда нашелъ бы тамъ достаточно аргументовъ для защиты того положенія, что переходъ французами Нѣмана въ іюнѣ 1812 года былъ „актомъ необходимой самообороны".

Николай I въ Лондонѣ въ 1844 г.

Александръ I, можно сказать, и умеръ на службѣ русскому торговому капиталу: смерть застигла его на югѣ Россіи, въ Таганрогѣ, куда его привели приготовленія къ войнѣ съ Турціей—войнѣ, глубоко противной Александру лично, потому что она была бы косвенной поддержкой ненавистной ему революціи, въ образѣ греческаго возстанія, но неизбѣжной, потому что турки запирали „проливы" для русской торговли. Задача—очистить путь этой послѣдней—перешла къ Николаю Павловичу, который и разрѣшилъ ее блестяще, адріанопольскимъ миромъ. Какими идеями и интересами вдохновлялся въ своей политикѣ этотъ царь—поверхностному наблюдателю кажущійся только солдатомъ—лучше всего разсказать подлинными словами его государственнаго совѣта. Вотъ что читаемъ мы въ „журналѣ" этого учрежденія отъ 11 мая 1836 года: „Если наше купечество доселѣ еще не обратило торговыхъ видовъ своихъ на Персію и Азіатскую Турцію въ томъ пространствѣ, какого требовала бы собственная наша польза, и чему такъ сильно содѣйствуетъ близость и удобство нашихъ торговыхъ путей, политическое первенство Россіи и вліяніе ея на самый бытъ означенныхъ государствъ: то, напротивъ, правительство никогда не оставалось къ сему равнодушнымъ. Отъ первоначальной мысли Петра В., обнаруженной покореніемъ Азова и Дербента, и отъ основанія Одессы до послѣднихъ, столь важныхъ и обширныхъ пріобрѣтеній нашихъ за Кавказомъ и столь выгодныхъ для насъ условій Туркманчайскаго и Адріанопольскаго трактатовъ, ясно видно мудрое намѣреніе нашихъ государей,—намѣреніе наивящше еще раскрытое въ предшедшее и настоящее царствованія, когда, пролагая оружіемъ новые пути для торговли нашей на Востокѣ, въ то же самое время наше правительство постановляло внутреннія мѣры, дабы упрочить самобытность коммерческаго нашего сословія, возбудить въ немъ духъ предпріимчивости и торговаго честолюбія и утвердить независимость внѣшней торговли нашей отъ иностранцевъ".

Но торговый капиталъ былъ теперь не единственнымъ кандидатомъ на „отеческое попеченіе" со стороны царской власти: самый документъ, который мы сейчасъ цитировали, вызванъ преніями объ уничтоженіи такъ называемаго „Закавказскаго транзита", т. е. о включеніи въ русскую таможенную границу Закавказья, и на этомъ вопросѣ интересы русской торговли—заграничными товарами, купленными на лейпцигской ярмаркѣ — сталкивались съ интересами отечественной промышленности, желавшей, чтобы Закавказье одѣвалось исключительно въ русскія сукна и ситцы. Тривіальное на первый взглядъ, столкновеніе таило въ себѣ

зерно великаго историческаго спора: народившійся и на Руси промышленный капиталъ требовалъ совсѣмъ иныхъ „мѣръ покровительства", чѣмъ его старшій братъ. Николаю Павловичу уже пришлось приспособляться къ новымъ экономическимъ условіямъ—и на этой задачѣ его политика потерпѣла катастрофу, явившуюся грознымъ предзнаменованіемъ будущей судьбы царизма.

VI.

Старая Россія и революція.

Пока сила была въ рукахъ царизма, русская исторія не смѣла даже произнести слово „революція". Для россійской революціи былъ установленъ обязательный оффиціальный маскарадъ: мы знали ее подъ именемъ „общественнаго движенія". Это, впрочемъ, имѣло свою хорошую сторону — юношество привыкало думать, что у насъ всякое общественное движеніе направлено къ низверженію самодержавія. Въ дѣйствительности, революція въ Россіи такъ же стара, какъ само россійское государство. Первой же кіевской династіи, потомству Св. Владиміра, и всего въ третьемъ поколѣніи, пришлось имѣть съ нею дѣло. Въ 1068 г. населеніе „матери городовъ русскихъ", Кіева, низвергло своего „законнаго" государя, князя Изяслава Ярославича, бездарнаго и жестокаго, и посадило на его мѣсто представителя совсѣмъ чужой, полоцкой династіи. А менѣе 50 лѣтъ спустя, въ 1113 г., Кіевъ былъ театромъ новой революціи, уже не только политической, но и соціальной, говоря по теперешнему — возстанія мелкой городской буржуазіи и крестьянства, опутанныхъ тенетами ростовщическаго капитализма. Въ то время, какъ самая ранняя революціонная попытка — поводъ къ которой такъ близокъ и понятенъ живущему поколѣнію: она разыгралась на грозномъ фонѣ надвигавшагося половецкаго нашествія, съ которымъ внуки Владиміра не умѣли справиться — кончилась неудачно, вторая кіевская революція оставила яркій слѣдъ въ русскомъ правѣ, въ видѣ такъ называемой „Мономаховой правды", изданнаго Владиміромъ Мономахомъ долгового устава, по крайней мѣрѣ на бумагѣ значительно улучшавшаго положеніе закабаленной массы. Не лишена интереса и третья революціонная вспышка до-монгольской Руси, владимірское возстаніе 1175 года,—не лишена потому, что она связана съ первымъ въ русской исторіи „цареубійствомъ": сигналомъ къ возстанію было умерщвленіе Андрея Боголюбскаго его дружинниками. Горожане только и ждали этого сигнала, чтобы начать избивать княжескую администрацію, посадниковъ и тіуновъ— по нынѣшнему исправниковъ и земскихъ начальниковъ—съ ихъ „дѣтскими" и „мечниками" — урядниками и стражниками.

Мы напомнили объ этихъ красныхъ отблескахъ сѣдой старины не потому, конечно, чтобы кіевско-суздальскія—или, еще болѣе интересныя, новгородскія — городскія революціи имѣли какую-нибудь связь съ современнымъ намъ революціоннымъ движеніемъ. Намъ хотѣлось только рельефнѣе показать, что вопреки оффиціальному лицемѣрію, прививавшемуся всѣмъ намъ въ школѣ, идея возстанія противъ власти вовсе не есть заносная идея, навѣянная намъ тлетворнымъ западомъ—что, напротивъ, эта идея какъ нельзя болѣе „національна". Нуженъ былъ двухвѣковой гнетъ татарщины, чтобы русскій человѣкъ присмирѣлъ—но опять-таки не до такой степени, какъ это обычно себѣ представляютъ. Уже середина 16-го вѣка — конецъ юности Грознаго—отмѣчена московскимъ возстаніемъ большаго размаха, снова не оставшимся, по всей вѣроятности, безъ вліянія на законодательство ближайшихъ лѣтъ (такъ называемая „земская реформа Грознаго"). Когда Иванъ Васильевичъ, пятнадцать лѣтъ спустя, позвалъ московскій посадъ на помощь противъ боярства, это отнюдь не было только театральнымъ эффектомъ: это было обращеніе къ реальной силѣ, которая могла стать за опричнину, могла стать и противъ нея. Пятьдесятъ лѣтъ спустя „предвѣстники" разрослись въ гигантскую бурю Смутнаго времени. Это была не только уже настоящая революція, это была, въ извѣстномъ смыслѣ, великая революція — русская параллель „великой крестьянской войны" въ Германіи въ началѣ 16-го вѣка. Но, какъ и всѣ ея предшественницы, наша Смута была направлена не противъ п о л и т и ч е с к а г о п р и н ц и п а, а противъ с о ц і а л ь н а г о ф а к т а. И этотъ соціальный фактъ — крѣпостное право — она надѣялась устранить именно при помощи стараго политическаго принципа: возведеннаго въ идеалъ царизма. Полтора столѣтія спустя наша крестьянская идеологія не ушла ни на пядь дальше: новое возстаніе противъ обострившейся, интенсифицированной крѣпостной неволи пошло опять подъ знаменемъ „государя Петра Ѳедоровича". Тутъ приходится только снова подчеркнуть лицемѣріе оффиціальной традиціи, ни

на минуту не соглашавшейся допустить, чтобы „бѣглый козакъ Емельянъ Пугачевъ“ могъ быть серьезнымъ соперникомъ Екатерины „Великой“. Эта послѣдняя и ея приближенные были въ данномъ вопросѣ большими реалистами. Когда въ Петербургѣ возникла было мысль — разстричь всѣхъ священниковъ, приставшихъ къ пугачевскому движенію, главный усмиритель пугачевщины, П. И. Панинъ, писалъ Екатеринѣ: „На сей чинъ смѣю я вашему императорскому

Печать и подпись Пугачева.

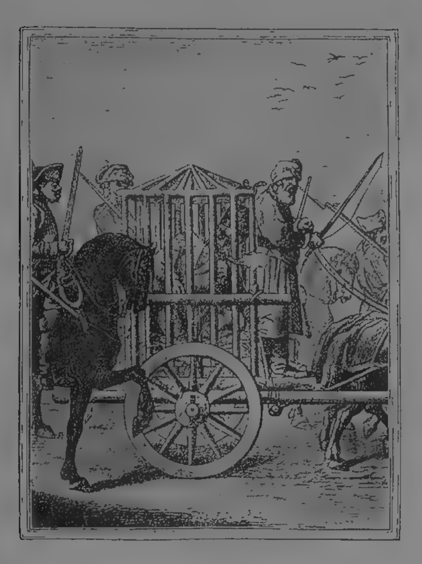
величеству представить: въ тѣхъ здѣсь мѣстахъ, гдѣ злодѣй самъ проходилъ, и въ которыя входили большіе его отряды, не было изъ духовенства почти ни одного человѣка, изъ неслучившихся быть тогда въ отлучкѣ, который бы не встрѣчалъ злодѣя съ крестами, и не дѣлалъ бы служенія съ произношеніемъ самозванца“. Екатерина согласилась съ доводами Панина — не разстригать же было духовенство нѣсколькихъ губерній...

VII.

Крѣпостническая реакція и дворянская революція; „дворянская буржуазія“ въ политикѣ.

Пугачевщина, сама по себѣ, ничего не внесла въ развитіе революціонной идеи въ Россіи — но ея отраженнымъ дѣйствіемъ объясняется первое обостреніе оппозиціонныхъ настроеній въ верхнихъ слояхъ русскаго общества. Неудавшаяся крестьянская революція дала первый толчекъ, пробудившій революцію дворянскую. Въ первую половину екатерининскаго царствованія дворянинъ былъ либераломъ—но революціонности въ немъ не было еще и слѣда. Чувствуя себя хозяиномъ положенія, занявъ россійскій тронъ человѣкомъ по своему выбору, что могъ онъ имѣть принципіально противъ этого трона? Бѣглый донской козакъ показалъ ему опасность съ той стороны, откуда дворянинъ уже отвыкъ ее видѣть. Достраиваніе дворянской монархіи по планамъ Монтескье пришлось бросить—наскоро смѣнивъ систему дворянскихъ привилегій голой полицейской диктатурой, внѣдрявшей „порядокъ“ цѣной всеобщаго порабощенія — всеобщаго, не исключая и самого помѣщика. Хозяйничанье екатерининскихъ фаворитовъ, начиная съ Потемкина, и продолжая Зубовымъ, отражало именно этотъ соціальный фактъ: дальнѣйшимъ его отраженіемъ былъ Павелъ Петровичъ — его не могла перенести уже и дворянская масса. Но индивидуальные протесты противъ системы, покупавшей безпрепятственное продолженіе барщиннаго хозяйства цѣной закрѣпощенія административному произволу самого барина, начались гораздо раньше, чѣмъ гвардейское офицерство явилось „скопомъ“ въ спальню Павла I. Въ предсмертномъ стонѣ Щербатова мы слышимъ голосъ стараго екатерининскаго „монаршизма“, пережившаго въ юности иллюзіи „коммисіи“ 1767 года. „Я охуляю самый составъ нашего правительства, называя его совершенно самовластнымъ и такимъ, гдѣ хотя есть писанные законы, но они власти государевой и силѣ вельможъ уступаютъ, гдѣ состояніе каждаго подданнаго основывается не на защищеніи законовъ, не отъ собственнаго

его поведенія зависитъ, но отъ мановенія злостнаго вельможи... Надлежало бы мнѣ теперь говорить о правительствахъ: но какъ у насъ по самому непомѣрному деспотичеству не законы дѣйствуютъ въ правительствахъ, но преклоненіе двора и воля вельможъ, то прежде и должно о сихъ говорить"... Если у стараго монархиста хватало силы только для „охуленія" всего того, что поставило крестъ надъ идеалами его молодости, слѣдующее поколѣніе сумѣло сдѣлать изъ наблюденій надъ „непомѣрнымъ деспотичествомъ" болѣе радикальные выводы. „Вольность" показалась даромъ особенно „безцѣннымъ" русскому образованному дворянину, когда онъ на себѣ испыталъ всѣ прелести „рабства", и изъ подъ пера Радищева выходитъ грандіозная картина республиканской революціи, которая „на плаху возвела царя". Екатеринѣ II было отъ чего возмутиться, читая оду „Вольность"—такъ не похожую на оды, къ которымъ ее пріучилъ Державинъ. То, о чемъ писалъ Радищевъ, и въ революціонной Франціи стало мыслимо только черезъ три года: ранній русскій республиканизмъ отнюдь не былъ копіей французскаго якобинства. Но тѣмъ болѣе зловѣщимъ предзнаменованіемъ былъ онъ для самодержавія — прошло одиннадцать лѣтъ, и царь, думавшій идти дальше по проторенной колеѣ, погибъ, правда, не на плахѣ, а въ петлѣ, сдѣланной изъ офицерскаго шарфа, не публично, а „при закрытыхъ дверяхъ". Но было ли отъ этого легче? Царей убивали и раньше—но предлогомъ всегда было то, что они являлись *недостойнымъ* воплощеніемъ монархическаго начала: Названый Димитрій былъ еретикъ, Петръ III самъ отказался отъ короны раньше, чѣмъ умереть „отъ коликъ". Въ лицѣ Павла впервые убили „деспота": „ненависть къ тирану должна брать верхъ надъ всѣми чувствами и всякое средство хорошо, чтобы сломить этотъ бичъ", записалъ одинъ современникъ трагедіи 11 марта 1801 г., вспоминая ее черезъ тридцать лѣтъ. И впервые по поводу дворцоваго переворота было произнесено въ Россіи слово „революція"—произнесена не кѣмъ другимъ, какъ самой русской императрицей, женой Александра I. Подъ царизмомъ что-то треснуло...

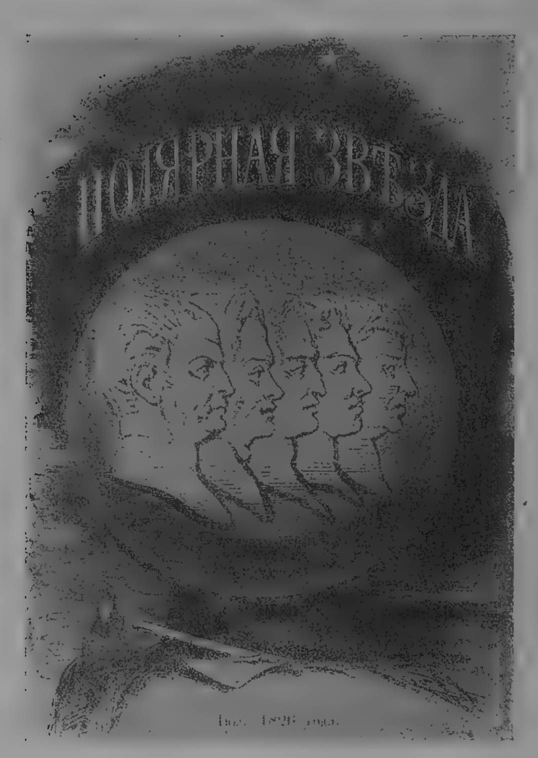
Пугачевъ, заключенный въ клѣткѣ, перевозится подъ стражей.

Пока, это были только настроенія, родственныя, если хотите, настроеніямъ крѣпостной дворни, убившей жестокаго барина. Если бы среди этой дворни нашлись люди европейскаго образованія, быть можетъ, они даже говорили бы тѣмъ же языкомъ. Возможность такихъ настроеній была *моральнымъ* осужденіемъ системы: но, какъ объективный фактъ, система могла прожить еще неопредѣленно долгое время. Если что позволяло считать ея дни — хотя длиненъ былъ счетъ!—то это, нечувствительныя для современныхъ наблюдателей, не исключая и самихъ русскихъ республиканцевъ, измѣненія въ томъ *экономическомъ базисѣ*, на которомъ стоялъ царизмъ. Эти измѣненія вышли наружу—но и то въ видѣ мало замѣтныхъ ростковъ—только четверть столѣтія позже 11 марта. Давно установлено, что идеологія декабристовъ была *буржуазной* идеологіей—новостью были, скорѣе, тѣ дворянскія черты, которыя оказались въ эту идеологію вкрапленными. Еще новѣе были тѣ указанія на непосредственное участіе самой буржуазіи въ

А. Н. Радищевъ.

движенiи, приведшемъ къ 14 декабря, какiя, по крохамъ, все-таки можно было собрать въ источникахъ. Близкiя связи Рылѣева съ Россiйско-Американской компанiей, русской пародiей на знаменитую Остъ-Индскую компанiю, такъ же, какъ и собственное издательское предпринимательство Рылѣева, давно всѣмъ извѣстны. Ближе еще къ купечеству стояли Батеньковъ и Штейнгель: первый удивлялъ своихъ товарищей желанiемъ стать петербургскимъ „лордомъ-майоромъ", второй по прямому порученiю московскихъ фабрикантовъ составлялъ докладныя записки для Аракчеева. Характернѣе, что даже у членовъ тайныхъ обществъ гораздо тѣснѣе связанныхъ съ дворянствомъ, чѣмъ съ „купечествомъ", прорываются тѣ же нотки. А. Бестужевъ, мечтавшiй о томъ, что онъ не хуже Орловыхъ, возведшихъ на престолъ Екатерину—и что отчего бы и ему не попасть въ „правительную аристократiю", писалъ изъ крѣпости Николаю: „шаткость тарифа привела въ нищету многихъ фабрикантовъ, испугала другихъ и вывела правительство наше изъ вѣры равно у своихъ, какъ и у чужихъ негоцiантовъ". А, казалось бы, дворяне всю русскую исторiю только и заботились о томъ, чтобы тарифъ былъ пониже! И эта „шаткость тарифа" является лучшимъ комментарiемъ къ тѣмъ толкамъ купцовъ петербургскаго гостиннаго двора о конституцiи, которые доводились до свѣдѣнiя еще Александра Павловича, въ 1821 году. „На что нуженъ государь, который совершенно не любитъ своего народа, который только путешествуетъ и на это тратитъ огромныя суммы?" дерзали, будто бы, спрашивать эти купцы. Отсюда былъ одинъ шагъ до вопроса: а на что нуженъ государь вообще?

Пять казненныхъ декабристовъ.
Съ перваго листа изданiя Герцена „Полярная Звѣзда" 1861 г.

VIII.

Торговый капиталъ и крупная промышленность.

Слова питерскихъ гостинnодворцевъ кажутся вопiющей несправедливостью—царизмъ, мы видѣли, только и дѣлалъ, что обслуживалъ интересы купечества. Но, очевидно, теперь онъ служилъ имъ плохо. Правда, послѣ тильзитскаго униженiя, у царизма была минута слабости: онъ предалъ русскiй торговый капитализмъ континентальной блокадѣ. Но скоро онъ стряхнулъ съ себя очарованiе: въ серединѣ 1807 года былъ заключенъ тильзитскiй трактатъ, а въ концѣ 1810 г. Александръ былъ уже готовъ воевать со своимъ тильзитскимъ другомъ; въ 1811 онъ уже снова, вполнѣ опредѣленно, союзникъ Англiи. А еще два года спустя, континентальная блокада лежала во прахѣ, вмѣстѣ съ ея авторомъ. Казалось бы, царизмъ „исправился" достаточно радикально. И вотъ, вы съ удивленiемъ видите, что „купечество" не чувствовало ни малѣйшей благодарности къ Александру за все, имъ сдѣланное на пользу „свободы торговли". Наоборотъ: съ теплымъ чувствомъ вспоминаютъ — континентальную блокаду. „Не только многiе богатые коммерсанты и дворяне, но изъ разнаго состоянiя люди приступили къ устройству фабрикъ и заводовъ разнаго рода, не щадя капиталовъ и

даже входя въ долги“, разсказывали о золотомъ вѣкѣ россійской промышленности фабриканты, подъ диктовку которыхъ писалъ Штейнгель. „Все оживилось внутри государства и вездѣ водворилась особенная дѣятельность... Звонкая монета явилась повсюду въ оборотѣ, земледѣльцы даже нуждались въ ассигнаціяхъ, въ московскихъ же рядахъ видны были груды золота, фабрики суконныя до того возвысились, что китайцы не отказывались брать русское сукно, и кяхтинскіе торговцы могли обходиться безъ выписки иностранныхъ суконъ. Ситцы и нанка стали не уступать отдѣлкою уже англійскимъ; сахаръ, фарфоръ, бронза, бумага, сургучъ доведены едва ли не до совершенства. Шляпы давно уже стали требовать даже заграницу. При такомъ усовершенствованіи русскихъ фабрикъ, въ Англіи едва ли не доходили до возмущенія отъ того, что рабочему народу нечего было дѣлать“. И конецъ этой счастливой эры положили—вы думаете, 1812 годъ и разореніе Москвы? Нѣтъ, тарифъ 1819 года, основанный на началахъ свободной торговли. „Россійское купечество съ сокрушеніемъ прочло въ одномъ изъ отечественныхъ журналовъ, что въ Лондонѣ по сему случаю даны были многія празднества“.

Александръ Павловичъ поспѣшилъ и тутъ исправиться—въ 1823 году онъ снова ввелъ свирѣпо-запретительный тарифъ, объяснивъ своему другу, прусскому королю (прусская промышленность была больно затронута новымъ тарифомъ), что свобода торговли угрожала самому существованію россійскаго государства. Николай Павловичъ всю жизнь остался вѣренъ „покровительственной“ системѣ. Но протекціонизмомъ отнюдь не исчерпывались всѣ логическія послѣдствія превращенія россійскаго капитализма изъ торговаго въ промышленный. Торговый капитализмъ предполагалъ, какъ свой необходимый объектъ, работника несвободнаго, но владѣющаго средствами производства—промышленному былъ нуженъ свободный пролетарій. Для торговаго капитала внутренній рынокъ былъ мало интересенъ—его дѣло взять со страны столько сырья, сколько можно, взять какъ можно дешевле, и продать это сырье тамъ, гдѣ за него платятъ дорого. Для только что народившейся русской промышленности, какъ она ни хвасталась, что ея произведенія „давно уже стали требовать даже заграницу“, въ первой линіи необходимъ былъ внутренній рынокъ, достаточно емкій, чтобы накопленіе шло съ быстротой, способной привлекать капиталы въ промышленность: если бы предпринимательская прибыль купца была выше прибыли фабриканта, кому пришла бы охота „устраивать фабрики и заводы, не щадя капиталовъ?“ Протекціонизмъ помогалъ тутъ отчасти, страняя заграничнаго конкурента—но прежде всего нужно было имѣть, изъ за чего конкуррировать, нуженъ былъ покупатель. И эти чисто экономическія послѣдствія превращенія съ первыхъ же шаговъ осложнялись политическими. Свободный работникъ былъ очевидною нелѣпостью въ крѣпостной странѣ. Торговый капиталъ, самъ первый хищникъ, былъ равнодушенъ къ хищническому хозяйству бюрократіи—ему было все равно, бѣднѣетъ или богатѣетъ населеніе, интересное для него лишь, какъ поставщикъ сырья; напротивъ, чѣмъ сильнѣе жмутъ это населеніе, тѣмъ больше сырья оно должно будетъ выбросить на рынокъ. Но что было дѣлать фабриканту съ населеніемъ, ободраннымъ до костей чиновниками? Злоупотребленія бюрократіи, на которыя съ философскимъ равнодушіемъ смотрѣлъ „купецъ“, стали очень тревожить промышленнаго капиталиста. А отъ критики злоупотребленій режима нетрудно было подняться и до критики его самого—и мы уже видѣли образчики такой критики. „Всѣ знаютъ, что уже давно въ судахъ совершаются вопіющія несправедливости, дѣла выигрываютъ тѣ, кто больше заплатитъ, а государь не обращаетъ на это вниманія“,—толковали петербургскіе гостинnодворцы въ 1821 году. „Нужно, чтобы онъ лучше оплачивалъ трудъ состоящихъ на государственной службѣ и поменѣе разъѣзжалъ. Только конституція можетъ исправить все это“...

IX.

Промышленный капитализмъ и крѣпостное хозяйство.

Экономическій переворотъ подкапывалъ самый фундаментъ романовской имперіи—„механическія ткацкія заведенія“, какъ тогда называли текстильныя фабрики, несли съ собою гибель не только несчастному крѣпостному кустарю-ткачу, но и той царской власти, въ которой этотъ ткачъ продолжалъ еще видѣть олицетвореніе „правды божьей“. Но какъ ткачъ погибъ далеко не сразу, и въ остаткахъ своихъ дожилъ до нашихъ дней, такъ медленно рушилось и самодержавіе—настолько медленно, что у очень просвѣщенныхъ и умныхъ наблюдателей, въ родѣ Герцена, могло получаться впечатлѣніе, будто царизмъ, ежели только захочетъ,

можетъ даже выиграть отъ переворота. „Одна робость, неловкость, оторопѣлость правительства мѣшаютъ ему видѣть дорогу и оно пропускаетъ удивительное время“, писалъ Герценъ послѣ вступленія на престолъ Александра II. „Господи! чего нельзя сдѣлать этой весенней оттепелью послѣ николаевской зимы; какъ можно воспользоваться тѣмъ, что кровь въ жилахъ снова оттаяла, и сжатое сердце стукнуло вольнѣе!“ „Только идучи впередъ къ цѣлямъ дѣйствительнымъ, только способствуя больше и больше развитію народныхъ силъ при общечеловѣческомъ образованіи, и можетъ держаться императорство.“ А послѣ 19 февраля иллюзія стала такъ заразительна, что ей, на секунду, поддался даже Бакунинъ. „Рѣдко царскому дому выпадала на долю такая величавая, такая благородная роль“, писалъ онъ въ 1862 году. „Александръ II могъ бы такъ легко сдѣлаться народнымъ кумиромъ, первымъ русскимъ царемъ, могучимъ не страхомъ и не гнуснымъ насиліемъ, но любовью, свободой, благоденствіемъ своего народа. Опираясь на этотъ народъ, онъ могъ бы стать спасителемъ и главою всего славянскаго міра... Онъ можетъ еще и теперь...“ Если Бакунинъ въ этомъ все же сомнѣвается, то лишь потому, что онъ „отчаялся“ въ способности Александра Николаевича къ такому шагу: что царизмъ не можетъ пойти этимъ путемъ, каковы бы ни были способности его наличнаго представителя, этого и Бакунину, въ тотъ моментъ, не пришло въ голову.

А. И. Герценъ.

То, что Герцену и Бакунину казалось дѣломъ личной способности, въ дѣйствительности было вопросомъ экономической логики—и дѣловые люди весьма просто и легко дѣлали необходимый логическій выводъ, отправляясь не отъ теоріи, она имъ была чужда, а отъ своихъ непосредственныхъ, житейскихъ наблюденій. Эти житейскія наблюденія показали имъ прежде всего, что промышленный капитализмъ совершенно несовмѣстимъ съ крѣпостнымъ работникомъ. „Какъ духомъ времени измѣнилось фабричное производство, введенъ на оныхъ (фабрикахъ) механизмъ, замѣняющій ручныя работы“, писали министру финансовъ купцы Хлѣбниковы въ 1846 г. „То и производство на фабрикахъ работъ поссессіонными людьми (т. е. крѣпостными, приписанными къ фабрикѣ, работниками) не только неудобно, но и наноситъ постоянно важные убытки, да и самые при нихъ поссессіонные люди сдѣлались уже излишними и обременительными для владѣльца“. Но если крѣпостной работникъ и машина другъ съ другомъ не совмѣщались, если нуженъ былъ вольнонаемный работникъ, то сейчасъ же являлся вопросъ, откуда же его достать въ сплошь крѣпостной странѣ? На это отвѣтилъ лучше всего тотъ изъ дѣятелей крестьянской реформы, въ комъ буржуазный ея аспектъ отразился съ особенной яркостью. „Богатые никогда, я полагаю, не бываютъ обремененіемъ обществу, оно черезъ нихъ получаетъ внѣшнюю силу“ возражалъ кн. Черкасскій членамъ редакціонныхъ комиссій, опасавшимся возникновенія у насъ сельской буржуазіи. „Богатаго, если вы сошлете въ Ботани-Бей, онъ все таки будетъ заправлять вами. Ротшильдъ—все Ротшильдъ, гдѣ бы онъ ни былъ. Надо поощрять образованіе капитала. Онъ двигатель всего, онъ рычагъ всякой производительности“. За три года передъ этимъ, онъ и формулировалъ лучше всего значеніе освобожденія крестьянъ, (тогда, въ 1856 г., только проектировавшагося) для русской промышленности: „Безъ значительной массы зрѣлаго, дѣятельнаго, свободнаго населенія, способнаго передвигаться туда, куда зоветъ его голосъ развивающейся промышленности, мануфактурной и земледѣльческой, не будетъ никогда въ Россіи фабрикъ, способныхъ состязаться съ Европой и удовлетворять отечественнымъ нуждамъ въ случаѣ разрыва съ Западомъ... Въ настоящее время вольный

трудъ въ Россіи вмѣстѣ и дорогъ до крайности и крайне скуденъ по количественности предложенія своего. Послѣднее ясно доказывается тѣми невѣроятными усиліями, которыхъ стоитъ привлеченіе къ себѣ рабочихъ рукъ каждому, вновь учреждаемому на коммерческой ногѣ производству фабричному и сельскохозяйственному, и которыя вполнѣ оцѣнить способенъ лишь человѣкъ, самъ испытавшій и прошедшій черезъ этотъ мучительный опытъ. Дороговизна же труда... кромѣ другихъ доводовъ, можетъ быть ясно доказана и тѣмъ замѣчательнымъ явленіемъ, исключительно принадлежащимъ Россіи и нигдѣ въ иныхъ земляхъ не повторяющимся, что у насъ нѣсколько сословій, лишенныхъ всякой собственности, живя единственно трудомъ голыхъ рукъ своихъ, въ состояніи этимъ путемъ не только прокормить себя, но еще сверхъ того уплачивать съ труда своего огромный прямой налогъ, какого нигдѣ не видано. Мы говоримъ о дворовыхъ людяхъ, по паспортамъ живущихъ, о мѣщанахъ и цеховыхъ. Слишкомъ извѣстны огромные оброки, платимые первыми господамъ своимъ"... Буржуазное хозяйство оказывалось прямымъ данникомъ крѣпостного: гдѣ капитализмъ могъ бы это стерпѣть?

Для того, чтобы развязать этотъ узелъ, революціи не понадобилось: мы нарочно пропустили тѣ строки, гдѣ Черкасскій доказываетъ несовмѣстимость и сельскохозяйственнаго капитализма съ крѣпостнымъ правомъ. Въ его ликвидаціи были одинаково заинтересованы и прогрессивное дворянство, и вновь народившаяся промышленная буржуазія. Соглашеніе было возможно—и оно состоялось: развитіе Россіи пошло по прусскому типу, сотрудничества юнкера и фабриканта, а не по французскому, гдѣ буржуа уничтожилъ дворянина. И это потому, что нашъ дворянинъ, какъ и прусскій, былъ, или стремился быть, хозяиномъ—онъ не былъ, какъ французскій землевладѣлецъ передъ 1789 годомъ, только получателемъ ренты. Революціонность россійской буржуазіи была этимъ сразу притуплена—въ дворянскомъ правительствѣ она видѣла не врага, но союзника: союзникъ этотъ въ извѣстный моментъ могъ оказаться ненужнымъ и даже компрометирующимъ, ему тогда можно было измѣнить,—но этого было долго ждать, моментъ наступилъ лишь въ 1917 году, и во всякомъ случаѣ, съ союзникомъ не борются, даже если его и подумываютъ бросить. Положеніе было такъ выпукло охарактеризовано еще въ 1870-хъ годахъ, Михайловскимъ, что его слова всегда придется напомнить тѣмъ, кто въ царизмѣ конца 19-го вѣка не захотѣли бы видѣть ничего другого, кромѣ простого продолженія патріархальной деспотіи. „Вы боитесь конституціоннаго режима въ будущемъ, потому что онъ принесетъ съ собою ненавистное иго буржуазіи", говорилъ народовольцамъ авторъ „Политическихъ писемъ соціалиста": „оглянитесь: это иго уже лежитъ надъ Россіей въ царствованіе благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго императора божіей милостью... Россія только покрыта горностаевой царской порфирой, подъ которою происходитъ кипучая работа набиванія бездонныхъ приватныхъ кармановъ жадными приватными руками. Сорвите эту, когда то пышную, а теперь изъѣденную молью, порфиру, вы найдете вполнѣ готовую, дѣятельную буржуазію. Она не отлилась въ сомостоятельныя политическія формы, она прячется въ складкахъ царской порфиры, но только потому, что ей такъ удобнѣе исполнять свою историческую миссію расхищенія народнаго достоянія и присвоенія народнаго труда".

Кн. В. А. Черкасскій.

X.

Буржуазія, революція и пролетаріатъ.

Но если русская буржуазія не могла взять на себя революціонной миссіи, — другими словами, если ей было выгоднѣе чинить ветшавшій царизмъ, нежели разрушать его,—то тѣмъ настойчивѣе задача разрушенія становилась передъ другимъ классомъ, который на западѣ Европы шелъ за буржуазіей по дорогѣ революціи, и, которому у насъ пришлось идти впе-

реди нея. Характерно, что, отнюдь не питая никакихъ черныхъ мыслей насчетъ буржуазіи, ласково давая ей лобызать свою августѣйшую руку — къ которой буржуазныя уста тотчасъ же жадно приникали,—царизмъ сразу началъ подозрительно коситься на неизбѣжнаго спутника фабриканта, фабричнаго рабочаго. Изо всѣхъ силъ насаждая въ Россіи крупную индустрію, министры Николая I изо всѣхъ же силъ должны были увѣрять себя, что отъ этого въ Россіи не народится пролетаріатъ. „Въ Россіи фабричные и другіе работники приходятъ изъ селеній", писалъ Канкринъ: „что, между прочимъ, имѣетъ то величайшее достоинство, что препятствуетъ чрезмѣрному умноженію городского фабричнаго сословія, которое при застоѣ въ работахъ впадаетъ въ нищету. Крестьянинъ въ такомъ случаѣ возвращается въ деревню и, если даже ничего не выработалъ и не уплатилъ податей, то имѣетъ, по крайней мѣрѣ, кровъ и ежедневную пищу: фабричное сословіе не соединяется, чтобы вынудить увеличеніе платы. Оставленія работы, смятенія не улучшаютъ состоянія работниковъ фабричныхъ и еще менѣе ограждаютъ ихъ отъ несчастнаго состоянія: такіе безпорядки весьма обезпокоиваютъ жизнь общественную, а всего опаснѣе то, что невозможно предвидѣть, какъ далеко можетъ зайти

Шлиссельбургъ.
(Общій видъ).

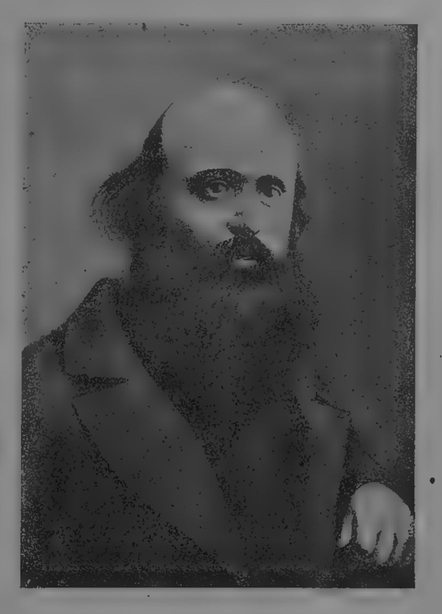
въ своемъ озлобленіи такой народъ при подобныхъ обстоятельствахъ". Голоса лидеровъ буржуазіи сливались здѣсь въ дружный хоръ съ голосами слугъ самодержавія: отстаивая освобожденіе крестьянъ непремѣнно съ землей, Кавелинъ особенно подчеркивалъ, что „этимъ мы навсегда избавляемся отъ голоднаго пролетаріата и неразрывно съ нимъ связанныхъ мечтательныхъ теорій имущественнаго равенства, отъ непримиримой зависти и ненависти къ высшимъ классамъ и отъ послѣдняго ихъ результата—соціальной революціи". Это было почти дословное воспроизведеніе аргументаціи самихъ „редакціонныхъ коммиссій"—т. е. Николая Милютина и его товарищей,писавшихъ, что „коалиція работниковъ, коллективная оппозиція противъ капиталистовъ и властей, со всѣми ихъ послѣдствіями... развились почти исключительно въ тѣхъ сословіяхъ, въ которыхъ распущенныя личности, не связанныя никакимъ общимъ поземельнымъ интересомъ и предоставленныя самимъ себѣ, сознали свою единичную слабость и сложились въ искусственные союзы, враждебные правительству, собственности и общественному порядку". И послѣдовательнымъ „буржуа", вродѣ кн. Черкасскаго, приходилось уже доказывать, что небольшой пролетаріатъ для Россіи будетъ ничуть не опасенъ, а только полезенъ. Черкасскій (въ 1856 г.) предлагалъ освобождать крестьянъ не даромъ, а за высокій выкупъ, настолько высокій, что за 10 лѣтъ, по

его вычисленіямъ, могло бы освободиться не болѣе 2 милліоновъ душъ: при еще менѣе многочисленномъ „рабочемъ сословіи" капиталистическое хозяйство вовсе не могло бы идти.

Русскихъ революціонеровъ часто упрекали—и упрекаютъ—что они живутъ завтрашнимъ числомъ, не умѣя ограничить себя реальностями настоящаго дня. Какъ видимъ, ихъ соціальные противники (и изъ самыхъ „трезвыхъ" и „солидныхъ"!) показывали имъ, въ этомъ отношеніи, путь. Какая, казалось бы, могла быть опасность соціальной революціи въ Россіи въ 1861 году? А ею, этой опасностью, по крайней мѣрѣ отчасти, опредѣлились „ходъ и исходъ крестьянской реформы"—освобожденіе непремѣнно съ надѣломъ, хотя бы и кошачьимъ. Между тѣмъ, революціонеровъ-соціалистовъ тогда еще почти и не было на сценѣ. Программа декабристовъ,—если откинуть въ сторону освобожденіе крестьянъ, въ которомъ никакого соціализма тоже, разумѣется, усмотрѣть было нельзя, въ какой микроскопъ ни смотри,—эта программа была чисто политической. То была ликвидація самодержавія, доходившая у болѣе лѣвыхъ до ликвидаціи монархіи вообще; но, за исключеніемъ Пестеля, даже сословное общество оставалось на своемъ мѣстѣ. Помѣщики все-таки получали вдвое болѣе политическихъ правъ, чѣмъ не-помѣщики (для владѣльцевъ движимаго имущества конституція Н. Муравьева устанавливала, какъ извѣстно, двойной цензъ), а крестьяне—въ пятьсотъ разъ меньше, чѣмъ „господа". Одинъ Пестель проектировалъ, дѣйствительно, демократію—но демократію чисто буржуазную, съ поощреніемъ буржуазнаго сельскаго хозяйства, напримѣръ: на него отводилась половина національнализованной земли. Найти что либо соціалистическое даже у лѣвѣйшаго изъ декабристовъ столь же трудно, какъ что либо республиканское у Николая I. Успѣшнѣе, повидимому, должны бы были быть поиски у петрашевцевъ, такъ горячо пропагандировавшихъ своего Фурье. Но приглядитесь къ ихъ практической программѣ. „Самъ Буташевичъ-Петрашевскій преимущественно возбуждалъ вопросъ о перемѣнѣ судопроизводства и объ освобожденіи крестьянъ", писалъ разбиравшій дѣло генералъ-аудиторіатъ. Кромѣ того, онъ хлопоталъ о реформѣ мѣстнаго самоуправленія — съ привлеченіемъ къ нему такихъ лицъ, которыя „сравнительно съ другими, т.-е. съ массою населенія, могли бы быть названы умственною аристократіей". Для всего этого, нужно прибавить, онъ и средства рекомендовалъ преимущественно легальныя. Но и сторонники самыхъ революціонныхъ средствъ изъ петрашевцевъ, Черносвитовъ и Спѣшневъ, предполагали пустить въ ходъ эти средства, опять таки, для освобожденія крестьянъ. А главное, никакихъ „работниковъ", образующихъ „искусственные союзы, враждебные правительству, собственности и общественному порядку" и у петрашевцевъ днемъ съ огнемъ нельзя было бы разыскать. „Умственная аристократія" русскихъ уѣздныхъ и губернскихъ городовъ заключала въ себѣ, по Петрашевскому, „кромѣ купцовъ", „еще учителей училищъ, докторовъ, аптекарей, поповъ,

К. Д. Кавелинъ.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

отставныхъ небогатыхъ чиновниковъ“: словомъ, тотъ классъ общества, который марксисты впослѣдствіи окрестили „мелкобуржуазной интеллигенціей“. Изъ этого же класса рекрутировались и сами заговорщики, среди которыхъ, по донесеніямъ николаевскихъ шпіоновъ, рядомъ „съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ“ находились „не кончившіе курса студенты, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ“. Какъ видимъ, терминъ „мелкая буржуазія“ сюда еще больше подходитъ, чѣмъ къ „умственной аристократіи“ самого Петрашевскаго.

XI.

Революція и разночинная интеллигенція.

Такое пониженіе въ чинѣ россійской революціи — среди декабристовъ было много гвардейскихъ офицеровъ, но ни одного „лавочника, торгующаго табакомъ“ — сильно смутило слугъ императора Николая. Ихъ должна бы была успокоить другая черта „заговора Петрашевскаго“ (что никакого заговора не было, соглашался даже генералъ-аудиторіатъ): съ демократизаціей соціальнаго состава „заговорщиковъ“ понижался и тонъ ихъ политическихъ требованій. Дворянскіе революціонеры первой четверти столѣтія не хотѣли успокоиться наменьшимъ, чѣмъ „республика, сверху прикрытая императорской короной“: сохранить въ рукахъ императора дѣйствительную власть никому изъ нихъ не приходило въ голову. Революціонные разночинцы середины вѣка не доходили даже до настоящей конституціи: реформы 60-хъ годовъ осуществили три четверти ихъ „платформы“. А когда это осуществленіе стало фактомъ, политика изъ программъ русской революціи вовсе исчезла почти на двадцать лѣтъ. На другой день послѣ крестьянской реформы о конституціи толковали въ легальныхъ дворянскихъ собраніяхъ, да въ полулегальныхъ кружкахъ, ютившихся около „Современника“—лидеромъ которыхъ былъ Чернышевскій, и откуда вышелъ „Великоруссъ“. Наибольшую революціонность полиція Александра II признавала за „лондонскими пропагандистами“, съ Герценомъ во главѣ—но это едва ли не было результатомъ консервативности, свойственной всегда такому мало-прогрессивному учрежденію, какъ политическая полиція. Ибо и Герценъ съ товарищами едва ли не помирились бы на дарованной свыше конституціи умѣреннѣйшаго типа: вышедшій изъ этихъ круговъ проектъ Серно-Соловьевича почти сполна былъ осуществленъ въ 1906 году—и какъ мало оказались этимъ довольны вѣчно неблагодарные россіяне! А когда изъ среды людей, стоявшихъ внѣ „политическаго общества“, много ниже тѣхъ, съ кѣмъ „стоило“ считаться, послышался хоть и крайне наивный, но дѣйствительно революціонный призывъ, — словомъ, когда появилась знаменитая прокламація Зайчневскаго „Молодая Россія“, не только у Герцена ничего не нашлось для „юношей фанатиковъ“, кромѣ слова порицанія, но и отъ Бакунина они должны были услышать суровый репримандъ. „Редакторовъ „Молодой Россіи“ я упрекаю въ двухъ серьезныхъ преступленіяхъ: во-первыхъ, въ безумномъ, истинно доктринерскомъ пренебреженіи къ народу, а во-вторыхъ, въ нецеремонномъ, безтактномъ и легкомысленномъ обращеніи съ великимъ дѣломъ освобожденія“... Такъ встрѣтилъ будущій отецъ европейскаго анархизма программу, гдѣ самыми радикальными требованіями были: прогрессивный подоходный налогъ, замѣна постоянной арміи милиціей, полное и безусловное равноправіе женщинъ. Правда, осуществить все это предполагалось открыто-революціоннымъ путемъ (для такихъ требованій трудно было придумать легальные пути осуществленія) — и вмѣсто царской доброты, на которой ба-

Н. Г. Чернышевскій.

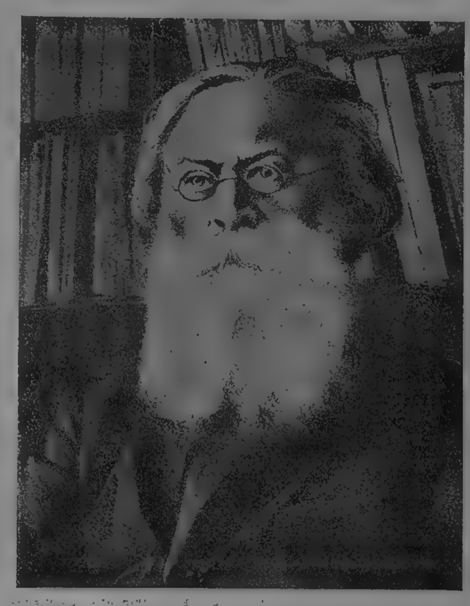
зировались, болѣе или менѣе, чаянія всѣхъ конституціоналистовъ тѣхъ дней, былъ брошенъ, такъ странно звучавшій въ ушахъ внуковъ Пестеля, лозунгъ республики. Правда и то, что изложено все это было въ чрезвычайно „гимназической" формѣ. Но тѣмъ страннѣе ужасъ передъ „Молодой Россіей" буржуазныхъ круговъ—ужасъ настолько паническій, что онъ заставилъ считаться съ собою даже и такого, не легко пугавшагося, человѣка, какъ Бакунинъ. Послѣдній едва ли улавливалъ настоящую подкладку этой паники: съ царизмомъ только что былъ заключенъ конкордатъ — напоминаніе о необходимости убить чудовище въ эту минуту звучало, какъ похоронный звонъ среди веселаго свадебнаго пира. Сердились не столько на „радикализмъ", сколько на „безтактность": что бы подождать минутку?

Со времени „Молодой Россіи" у насъ можно говорить о **революціонномъ соціализмѣ**. Онъ былъ на лицо — и скоро засвидѣтельствовалъ себя поступками: покушеніе Каракозова на Александра II, 4 апрѣля 1866 года, надолго осталось **типомъ** революціонной борьбы въ Россіи. И тѣмъ не менѣе, вопреки **всеобщимъ мрачнымъ предвидѣніямъ**, и николаевскихъ министровъ, и буржуазной публицистики, и „честнаго кузнеца гражданина" и съ его друзьями—никакихъ слѣдовъ ужаснаго „рабочаго сословія" въ революціонно-соціалистическихъ выступленіяхъ найти было нельзя. Революція продолжала держаться въ томъ кругу, куда ее перенесли петрашевцы—только помолодѣла: тамъ были „учителя, доктора, попы, отставные небогатые чиновники", здѣсь „сыновья мелкихъ помѣщиковъ, чиновниковъ священниковъ" (воспоминанія Дебагорія-Мокріевича о кіевскомъ студенческомъ движеніи конца 60-хъ годовъ). **Студенчество** на двадцать лѣтъ осталось той питательной средой, изъ которой набиралась соковъ русская революція: въ глубокихъ слояхъ народной массы до нашихъ дней „студентъ" и „революціонеръ"—синонимы; монархически настроенные рабочіе передъ 9 января боялись, какъ-бы къ нимъ не пристали „студенты", и не исказили затѣянной ими мирной вѣрноподданнической манифестаціи — а крестьяне Воронежской губерніи еще въ іюнѣ 1906 года ждали „стюдентовъ съ пушкой", чтобы произвести послѣднюю атаку на своего помѣщика. Вся эта молодежь, своимъ образомъ жизни, была сплошнымъ отрицаніемъ „буржуазности". „Мы были бѣдны и едва-едва перебивались, но въ то время студентъ почти гордился бѣдностью" разсказываетъ тотъ же, выше цитированный нами, авторъ. „Бѣдность была нѣкоторымъ образомъ въ модѣ, составляла своего рода шикъ. Если у кого даже и имѣлись средства, то это не показывалось, такъ какъ на это смотрѣли не хорошо". Студенты московскаго университета начала 60-хъ годовъ — непосредственные современники „Молодой Россіи" — нерѣдко приходили держать экзаменъ пѣшкомъ „изъ отдаленныхъ губерній"; въ частности, „большинство поляковъ и уроженцевъ западныхъ губерній въ московскомъ университетѣ отличались крайней бѣдностью" (Ешевскій). Конецъ періода не отличался, въ этомъ случаѣ, отъ начала: Г. В. Плехановъ, ведшій революціонную пропаганду среди петербургскихъ рабочихъ 70-хъ годовъ, „съ удивленіемъ увидѣлъ, что эти рабочіе живутъ нисколько не хуже, а многіе изъ нихъ даже гораздо лучше, чѣмъ студенты... Холостые,

М. А. Бакунинъ

а они составляли между знакомыми мнѣ рабочимы большинство, могли расходовать вдвое болѣе небогатаго студента... Всѣ рабочіе этого слоя одѣвались несравненно лучше, а главное, опрятнѣе, чище нашего брата студента". Но быть бѣднѣе иного пролетарія еще не значитъ быть пролетаріемъ самому: къ пролетаріату, какъ соціально-экономической категоріи, даже бѣднѣйшіе изъ русскихъ студентовъ 60-хъ—70-хъ годовъ все-таки не принадлежали. Это были типичные интеллигенты, то есть, прежде всего, типичные одиночки. Когда А. Д. Михайловъ прочелъ своимъ товарищамъ, землевольцамъ, составленный имъ проектъ устава тайнаго общества, требовавшій, между прочимъ, безпрекословнаго подчиненія отдѣльнаго члена „распоряженіямъ большинства", этотъ параграфъ встрѣчилъ „не малую оппозицію", по словамъ современника-очевидца. А террористическій актъ, требовавшій максимальнаго личнаго героизма, оставался, весь этотъ періодъ, послѣднимъ революціоннымъ жестомъ, отъ котораго ждали рѣшенія судьбы Россіи. И эта вѣра въ то, что перемѣна лица можетъ что-то измѣнить въ порядкѣ, что борьба съ царизмомъ есть борьба съ царемъ,—что, убивъ царя, можно вызвать возстаніе противъ царизма, эта вѣра вновь заставляетъ насъ вспомнить петрашевцевъ, одинъ изъ которыхъ,съ полной искренностью, все, что было худого въ Россіи, даже голодъ витебскихъ крестьянъ, относилъ на счетъ личнаго вліянія императора Николая Павловича. „Какъ странно устроенъ свѣтъ, одинъ мерзкій человѣкъ, и сколько онъ можетъ сдѣлать"!

П. Л. Лавровъ.

Для революціоннаго штаба такого соціальнаго состава бакунинскій анархизмъ, которому даже образованіе временнаго революціоннаго правительства казалось уже „вырожденіемъ революціи", былъ наиболѣе подходящей идеологіей. Бакунинъ и оставался духовнымъ вождемъ революціоннаго движенія почти до самаго конца этого періода—Лавровъ былъ болѣе его теоретикомъ, нежели лидеромъ; „Историческія письма", правда, многихъ побудили „пойти въ народъ": но что дѣлать среди этого народа, учились по большей части не у Лаврова. И явно политическая цѣль всего движенія—оно несомнѣнно упиралось въ низверженіе самодержавія все время, сознавалось это его дѣятелями или нѣтъ: заявленіе (на судѣ) В. Н. Фигнеръ, что цѣлью народовольцевъ было „уничтоженіе абсолютистическаго образа правленія", въ сущности, одинаково приложимо и къ землевольцамъ, и къ „чайковцамъ", и къ нечаевцамъ, и къ каракозовцамъ, и къ тѣмъ студенческимъ кружкамъ, откуда вышла „Молодая Россія"—мирилась съ анархической идеологіей, потому что никакихъ другихъ средствъ борьбы, кромѣ анархическихъ выступленій, подъ руками не было. Русскому революціонеру временъ Александра II на практикѣ приходилось быть анархистомъ, если онъ не хотѣлъ быть революціонеромъ только на словахъ: въ чемъ злые языки и упрекали „лавристовъ", а позже „чернопередѣльцевъ", противниковъ анархическаго метода дѣйствій. Въ тѣ времена модными были разговоры о „герояхъ и толпѣ": революціонеры 60-хъ—70 годовъ были героями безъ толпы,

Софья Львовна Перовская.

и это лишало ихъ героизмъ всякаго практическаго значенія. При другихъ условіяхъ, судьба такихъ исключительныхъ людей, какъ Желябовъ, Кибальчичъ или Перовская была бы, быть можетъ, не менѣе трагична: но это былъ бы трагизмъ судьбы Робеспьеровъ и Сенъ-Жюстовъ — гибель тѣхъ, у кого было великое „вчера", а не тѣхъ, кому всю жизнь пришлось прожить „наканунѣ". И если прологъ великой россійской революціи утонулъ въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ, виною тутъ были не тѣ или другія „ошибки", тѣхъ или другихъ „вождей", а то, что этимъ вождямъ некого было за собою вести. Крестьянство на смерть разбило иллюзіи тѣхъ, кто жилъ революціоннымъ романтизмомъ разинщины и пугачевщины — не имѣя понятія о дѣйствительной ихъ идеологіи. Лишь годами горькаго опыта пропагандисты приходили къ выводу, не безъ жестокости къ самому себѣ резюмированному однимъ изъ нихъ. „Царизмъ являлся въ самой тѣсной связи съ земельнымъ идеаломъ крестьянъ. Свои желанія, свои понятія о справедливости крестьяне переносили на царя, какъ будто это были его желанія, его понятія". И единственное массовое движеніе крестьянъ въ 70-хъ годахъ удалось вызвать, какъ извѣстно, только при помощи подложнаго царскаго манифеста (т. наз. Чигиринское дѣло). Подъ конецъ — этотъ именно конецъ и заставляетъ ограничивать бакунинское вліяніе въ террористическомъ періодѣ русской революціи словомъ „почти" — даже буржуазія начинала казаться болѣе надежнымъ союзникомъ, чѣмъ крестьянство. Но какою цѣной приходилось покупать этотъ „союзъ"! Уже тотчасъ послѣ воронежскаго съѣзда 1879 года, едва возникла „Народная Воля", Желябовъ рекомендовалъ товарищамъ не писать больше объ аграрномъ вопросѣ, „дабы не отпугивать либераловъ". А весь соціализмъ тогдашнихъ революціонеровъ былъ аграрнымъ... Слово „республика" въ народовольческой программѣ, какъ извѣстно, вовсе обойдено, изъ тѣхъ же соображеній: черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ декабристовъ оно звучало въ буржуазныхъ ушахъ слишкомъ страшно. Но буржуазіи этого было мало — и она стала уговаривать „Исполнительный Комитетъ" отказаться еще и отъ террора, т. е. отъ единственнаго оружія революціонной борьбы, которое оставалось еще у революціонеровъ-интеллигентовъ. Причемъ въ замѣнъ ничего не предлагалось, повидимому. У народовольцевъ были связи между офицерствомъ. „Желябовъ завелъ обширныя знакомства съ профессорами артиллерійской академіи, разными техниками, офицерами разныхъ спеціальностей", разсказываетъ о лидерѣ Народной Воли одинъ изъ его пріятелей. Существовалъ рядъ офицерскихъ кружковъ, стоявшихъ подъ народовольческимъ вліяніемъ: послѣ 1 марта 1881 г. — которое эту среду не оттолкнуло отъ „убійцъ" Александра II — члены этихъ кружковъ оптимистической революціонной статистикой считались сотнями. Между ними были выдающіеся люди, какъ М. Ю. Ашенбреннеръ — но не нашлось ни одного, кто могъ бы предложить въ распоряженіе революціи не то, что полкъ, а хотя бы роту. Солдаты и тогда оставались крестьянами, одѣтыми въ мундиры. Всѣ эти военныя связи были, притомъ, пріобрѣтеніемъ самихъ народовольцевъ: буржуазія и тутъ имъ ничѣмъ не помогла. А читая интимныя, по секрету подававшіяся начальству, „записки" тогдашнихъ буржуазныхъ либераловъ, правыхъ, какъ Чичеринъ — и даже не чересчуръ правыхъ, какъ Градовскій — перестаешь даже понимать, чего **больше** хотѣли эти люди: упраздненія самодержавія или самоупраздненія революціи? Для Чичерина послѣднее, несомнѣнно, стояло на первомъ планѣ — и онъ готовъ былъ даже зачеркнуть „само", предлагая для упраздненія революціи непосредственно либеральныя руки.

Ник. Иван. Кибальчичъ.

Мих. Юл. Ашенбреннеръ.

XII.

Царизмъ и пролетаріатъ.

А между тѣмъ, какъ разъ въ эти послѣдніе годы призракъ, смущавшій сонъ еще Канкрина, начиналъ воплощаться. Безсильные въ деревенской средѣ, революціонеры-интеллигенты встрѣчали совсѣмъ иной пріемъ среди тѣхъ крестьянъ, кого нужда загнала на фабрику. Уже „чайковцы" начала 70-хъ годовъ имѣли кружки среди петербургскихъ ткачей — а пропаганда среди металлистовъ началась едва ли не еще ранѣе. Московскія пропагандистки (т. наз. „процесса 50") работали надъ тѣмъ же матеріаломъ — съ неизмѣримо бóльшимъ успѣхомъ, чѣмъ ихъ товарищи въ деревнѣ. Петербургскія стачки зимы 1877—78 гг. впервые поставили революціонную интеллигенцію лицомъ къ лицу съ массовымъ рабочимъ движеніемъ. Воспоминанія современниковъ сохранили любопытнѣйшія черты первыхъ встрѣчъ. Новые знакомые не безъ осторожности присматривались другъ къ другу — и первые шаги революціонной агитаціи въ рабочей массѣ Петербурга переносятъ насъ очень далеко не только отъ соціалистическихъ или республикан-

Казнь убійцъ Александра II.
(Съ картины В. Верещагина).

скихъ, но даже отъ конституціонныхъ лозунговъ: на первыхъ порахъ не нашли ничего лучше, какъ посовѣтовать забастовавшимъ подать прошеніе наслѣднику... Пріемъ, быть можетъ, былъ и правильно разсчитанъ — на сѣрую массу, но петербургскіе рабочіе скоро сумѣли показать, что они не всѣ такіе „сѣрые". Уже въ январѣ 1879 года на лицо была программа „Сѣвернаго Союза русскихъ рабочихъ", считавшаго, правда, всего 200 членовъ — маленькій авангардъ даже для одного Петербурга: но за то этотъ авангардъ ушелъ чрезвычайно далеко отъ прошеній наслѣднику. Характерно, что выступить прямо противъ царизма и самые передовые рабочіе Россіи не рѣшились—а о Христѣ и апостолахъ нашли нужнымъ упомянуть. Но этимъ и ограничивается дань „традиціи": дальше мы находимъ въ программѣ „Союза" свободу слова, печати, собраній, сходокъ, передвиженія, отмѣну косвенныхъ налоговъ, замѣну постоянной арміи милиціей... Картина настолько „европейская", что начинаешь понимать подозрѣнія читавшихъ — и опубликовавшихъ — ее революціонеровъ-интеллигентовъ: а подлинно ли все это писали настоящіе рабочіе? Правда, что рабочіе были, если и „настоящіе", то не совсѣмъ обыкновенные: изъ двухъ лидеровъ „Союза", Обнорскій бывалъ заграницей, Халтуринъ скоро сдѣлался однимъ изъ выдающихся народовольцевъ. Между вчерашними „учениками" и „учи-

Кровавое воскресенье.

(9 января 1905 г.).

Автолитография худ. В. Фалилеева

телями" загорѣлась даже полемика—объ этомъ придется еще говорить на страницахъ, спеціально посвященныхъ рабочему движенію. Въ общемъ ходѣ революціи главнымъ новшествомъ „Союза" была идея массовой организаціи. „Союзъ" ставилъ своею цѣлью „сплачивая

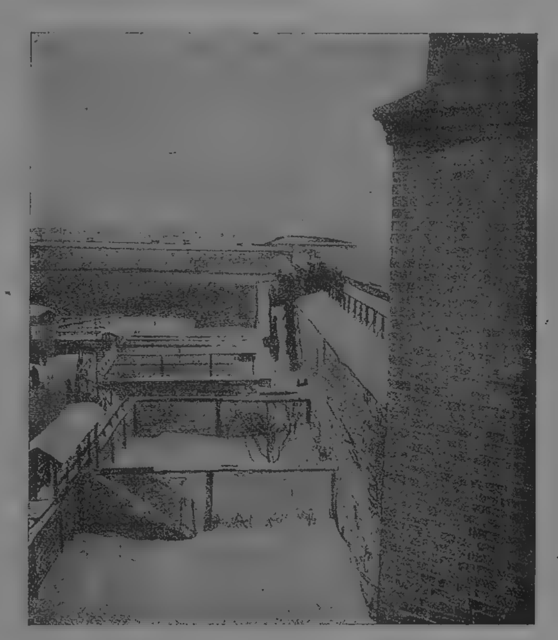
Вѣра Ник. Фигнерь.

Тим. Мих. Михайловъ

разрозненныя силы городского и сельскаго рабочаго населенія и выясняя ему его собственные интересы, цѣли и стремленія, — служить достаточнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ соціальнымъ безправіемъ и давать ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успѣшнаго веденія борьбы". Революціонная интеллигенція какъ разъ въ эту пору мучилась надъ вопросомъ: обязано меньшинство подчиняться большинству, или можетъ „отказаться"? Правда, и она была наканунѣ положительнаго рѣшенія этого вопроса — и народовольцы ввели у себя желѣзную дисциплину: но какъ тѣсенъ былъ кругъ лицъ, согласившихся подъ иго этой дисциплины пойти!

„Сѣверный Союзъ" оказался ласточкой, прилетѣвшей слишкомъ рано и осужденной замерзнуть. Революціонные рабочіе кружки дали солдатъ террористической, интеллигентской революціи: взорвавшій зимній дворецъ Халтуринъ и Тимофей Михайловъ, одинъ изъ участниковъ 1-го марта, оба погибшіе на царскихъ висѣлицахъ, были изъ первыхъ мучениковъ борьбы русскаго народа противъ царизма. Когда черносотенцы пытались втолковать массамъ, что Александра II убили „господа", они сознательно лгали. Но успѣхъ, хотя бы и кратковременный, даже такой грубой поддѣлки подъ рабочее движеніе, какой была Зубатовщина, ясно показывалъ, насколько наивны были массы. Еще наканунѣ 9-го января рабочіе пугливо сторонились „господъ"—во образѣ соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціоне-

Шлиссельбургская крѣпость.
Видъ двориковъ для одиночныхъ прогулокъ заключенныхъ.

ровъ. Теперь, однако, и массу отдѣляла отъ революціи очень тонкая перегородка. Наканунѣ крестнаго хода къ зимнему дворцу, на одномъ собраніи, послѣ чтенія „петиціи", предсѣдатель, разсказываетъ очевидецъ, задалъ рабочимъ вопросъ: „А что, товарищи, если государь насъ не приметъ и не захочетъ прочесть нашей петиціи—чѣмъ мы отвѣтимъ на это?—Тогда, точно изъ одной груди вырвался могучій потрясающій крикъ: нѣтъ тогда у насъ царя! И какъ эхо повторилось со всѣхъ концовъ: „нѣтъ царя... нѣтъ царя!"

На другой день вечеромъ, послѣ разстрѣла, „выступили ораторы изъ соціалъ-демократовъ", разсказываетъ другой очевидецъ: „ихъ слушали теперь"...

М. Покровскій

Прив.-доц. В. М. ФРИЧЕ.

Крушеніе „Народной Воли“.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ для передовой интеллигенціи не подлежало ужъ сомнѣнію, что ей не остается другого выхода, какъ вступить на путь политической борьбы, что прежде чѣмъ ей удастся осуществить соціальный переворотъ, ей предстоитъ совершить революцію политическую.

Въ іюнѣ 1879 года собрался въ Липецкѣ съѣздъ членовъ соціально-революціонной партіи, присвоившей себѣ названіе „Земля и Воля“ для обсужденія вопроса о цѣлесообразности и необходимости террористической борьбы съ самодержавіемъ, которую нѣкоторые члены партіи уже признавали и отстаивали если не на страницахъ офиціальнаго органа, то на столбцахъ „Летучаго листка Земли и Воли“. Съѣздъ открылся небольшой рѣчью одного изъ лидеровъ террористической фракціи, Н. Морозова.

„Наблюдая современную общественную жизнь въ Россіи—говорилъ онъ—мы видимъ, что никакая дѣятельность, направленная на благо народа, въ ней невозможна вслѣдствіе царящаго въ ней правительственнаго произвола и насилія. Поэтому всякому передовому общественному дѣятелю необходимо, прежде всего, покончить съ существующимъ у насъ образомъ правленія, но бороться съ нимъ невозможно, иначе какъ съ оружіемъ въ рукахъ. Поэтому мы будемъ бороться по способу Вильгельма Телля до тѣхъ поръ, пока не достигнемъ такихъ свободныхъ порядковъ, при которыхъ можно будетъ безпрепятственно обсуждать въ печати и на общественныхъ собраніяхъ всѣ политическіе и соціальные вопросы и рѣшать ихъ посредствомъ свободныхъ народныхъ представителей“.

На съѣздѣ присутствовалъ въ качествѣ гостя не входившій въ организацію „Земля и Воля“ А. Желябовъ. Всецѣло присоединяясь къ выводамъ Н. Морозова, онъ замѣтилъ, что бороться за политическую свободу собственно дѣло буржуазіи, но такъ какъ она у насъ и слаба и нерѣшительна, то эту задачу должна взять на себя поневолѣ соціально-революціонная партія [1]). Закрылся съѣздъ рѣчью Александра Михайлова, прослѣдившаго шагъ за шагомъ всю эволюцію политики Александра II отъ либеральныхъ реформъ въ сторону все сгущавшейся реакціонности, одной изъ самыхъ сильныхъ рѣчей, когда-либо произнесенныхъ русскимъ революціонеромъ [2]).

Въ томъ же іюнѣ мѣсяцѣ происходилъ пленарный съѣздъ партіи въ Воронежѣ.

Хотя терроръ и былъ признанъ участниками съѣзда лишь „средствомъ исключительнымъ“, когда на очередь былъ поставленъ вопросъ о поддержкѣ „лигѣ царе-убійцъ“, отвѣтъ неожиданно получился положительный. Тогда Г. В. Плехановъ потребовалъ, чтобы была оглашена

[1]) Къ біографіи Желябова. Былое 1906. № 8.

[2]) Н. Морозовъ: Возникновеніе Народной Воли. Былое. 1906. № 12.

статья Н. Морозова (изъ „Листка Земли и Воли") о „террорѣ, какъ осуществленіи революціи въ настоящемъ" и когда на его вопросъ, имѣетъ ли органъ партіи, никогда не стоявшей на такой точкѣ зрѣнія, право высказывать подобные взгляды, снова получился отвѣтъ утвердительный, онъ вышелъ изъ организаціи, и редакторами „Земли и Воли" были избраны террористы Н. Морозовъ и Л. Тихоміровъ [1]). Всѣ попытки примирить оба противоположныхъ теченія, на что особенно много силъ потратила Софья Перовская, ни къ чему не привели, и единая „Земля и Воля" раскололась на двѣ партіи: на вскорѣ скончавшійся „Черный Передѣлъ" и на „Народную Волю".

Началось героическое единоборство кучки революціонеровъ-интеллигентовъ съ самодержавіемъ, въ которомъ ихъ поддержали лишь одни передовые рабочіе Степанъ Халтуринъ, Тетерка, Тим. Михайловъ, Прѣсняковъ. Послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ покушеній (подъ Александровкомъ, въ Одессѣ, подъ Москвой и въ Зимнимъ Дворцѣ) народовольцамъ удалось наконецъ убить Александра II—1 марта 1881 г. (первая бомба была брошена Рысаковымъ, вторая, убившая царя и самаго метателя,—Гриневицкимъ).

Ник. Иван. Рысаковъ.

День перваго марта былъ высшимъ проявленіемъ дѣятельности „Народной Воли". Съ этого дня партія, жившая, по выраженію А. Желябова, „на капиталъ", обезсиленная и обезкровленная, шла навстрѣчу упадку. Одинъ за другимъ выбывали изъ ея рядовъ старые испытанные борцы, герои-ветераны, а новыхъ силъ не прибывало. Вслѣдъ за Желябовымъ, арестованнымъ еще въ концѣ февраля, 2 марта просившимъ пріобщить его къ дѣлу объ убійствѣ царя, въ которомъ участвовать ему помѣшала только „глупая случайность", были взяты Геся Гельфманъ и пришедшій на ея конспиративную квартиру Тим. Михайловъ, 10 марта на улицѣ схватили Софью Перовскую, упрямо не пожелавшую покинуть столицу, 3 апрѣля были казнены главные герои 1 марта, въ слѣдующемъ (1882) году происходилъ процессъ „двадцати" (Ал. Михайловъ, Колоткевичъ, Баранниковъ, Сухановъ, Фроленко, Исаевъ, Морозовъ, Лебедева, Якимова и др.), годъ спустя—процессъ „семнадцати" (Ю. Богдановичъ, Грачевскій, Корба Златопольскій, Телаловъ и др.), а въ 1884 г. процессъ Вѣры Фигнеръ и Людмилы Волкенштейнъ (и военной организаціи „Народной Воли", къ которой принадлежали военные Ашенбреннеръ, Похитоновъ, Рогачевъ, Штромбергъ и др.). Изъ оставшихся на волѣ одни, какъ Дегаевъ, становились провокаторами, другіе, какъ Л. Тихоміровъ, шли въ Каноссу, каялись, примирялись съ правительствомъ и записывались въ ряды реакціонныхъ публицистовъ.

Партія медленно разлагалась.

Даже офиціальный ея органъ („Народная Воля") въ послѣднемъ номерѣ (отъ 1 окт. 1885 г.) вынужденъ былъ писать:

„Мы обязаны признаться передъ лицомъ русскаго общества, что дѣйствительно дѣятельность революціонной партіи сократилась и что вообще за послѣдніе четыре года она не столько наносила удары правительству, сколько сама старалась защищаться отъ его ударовъ".

„Народная Воля" умирала.

Одинъ изъ свидѣтелей этой печальной агоніи такъ резюмировалъ итогъ своихъ наблюденій: „престижъ партіи, завоеванный героической плеядой первыхъ борцовъ „Народной Воли", погибъ; людей, которые могли бы поднять упавшее знамя и понести его дальше, нѣтъ; вѣра въ жизненность программы и тактики партіи исчезаетъ" [2]).

Въ 1887 г. „Народная Воля" перестала существовать [3]).

---

[1]) Н. Морозовъ: Тамъ же. Аптекманъ: Земля и Воля.
[2]) Бахъ. Воспоминанія народовольца. Былое, 1907 г. № 1, 2, 3.
[3]) Отдѣльные народовольческіе кружки существовали, однако, въ столицахъ еще въ 90 годахъ.

Крушеніе вѣры въ историческое призваніе интеллигенціи. — „Историческія письма" Лаврова и ихъ значеніе для интеллигенціи семидесятыхъ годовъ. Разочарованіе въ силахъ „критически-мыслящей личности".—Борьба между старыми завѣтами и обывательскимъ настроеніемъ. Поэзія Надсона.—Превращеніе революціонера въ обывателя.— „Разсказъ неизвѣстнаго человѣка" Чехова.

Крушеніе „Народной Воли" не могло не имѣть для интеллигенціи самыхъ тяжелыхъ и печальныхъ послѣдствій.

На смѣну семидесятникамъ шелъ—восьмидесятникъ.

Разгромъ „Народной Воли" былъ прежде всего равносиленъ крушенію вѣры во всемогущество интеллигенціи, въ ея историческую миссію, въ ея творческія силы. Въ 1870 г. вышла та книга, на которой воспиталось героическое поколѣніе революціонеровъ — „Историческія письма" П. Л. Лаврова. О томъ, какое впечатлѣніе она произвела на молодежь, застрявшую въ нигилизмѣ шестидесятыхъ годовъ, чѣмъ она для нея была, свидѣтельствуютъ слѣдующія слова одного изъ представителей этого поколѣнія: „Мы увлекались Писаревымъ, который говорилъ намъ о великой пользѣ естественныхъ наукъ для выработки въ человѣкѣ, „мыслящаго реалиста". Мы готовились всѣ стать такими „мыслящими реалистами", которые желаютъ жить во имя своего „развитого эгоизма", низвергая всѣ авторитеты и ставя цѣлью свободную, счастливую жизнь, какъ насъ самихъ, такъ и нашихъ единомышленниковъ (т.-е. интеллигенціи). И вдругъ небольшая книжка, которая говоритъ намъ, что на естественныхъ наукахъ свѣтъ не клиномъ сошелся, что на одной анатоміи лягушки далеко не уѣдешь, что есть другіе важные вопросы, есть исторія, есть общественный прогрессъ, есть, наконецъ, народъ, голодный измученный трудомъ народъ, рабочій людъ, который поддерживаетъ на себя все зданіе цивилизаціи и который только и позволяетъ намъ заниматься и лягушками и всякими другими науками, есть, наконецъ, нашъ неоплатный долгъ передъ народомъ, великой арміей трудящихся" [1]).

Геся Гельфманъ.

Въ „Историческихъ письмахъ" Лавровъ не только поставилъ вопросъ объ интеллигенціи (хотя и не употребляя этого слова), но и сразу же окружилъ ее свѣтящимся ореоломъ, сдѣлавъ ее творцомъ исторіи и прогресса. Соединяясь въ общежитія во имя совмѣстнаго удовлетворенія своихъ потребностей, люди создали съ теченіемъ времени рядъ учрежденій, обычаевъ и воззрѣній, совокупность которыхъ называется культурой. Застывая и каменѣя, эта „культура" превращается въ нѣчто незыблемое, становится тормазомъ для дальнѣйшаго движенія жизни впередъ. Двигать жизнь дальше могутъ только особыя, избранныя натуры, люди мысли, мыслью постигающіе новыя потребности развитія и берущіе на себя осуществленіе этихъ потребностей — „критически мыслящія личности". И только онѣ—эти „критически-мыслящія личности"—являются „интеллигентами", а не всякій, „сдавшій экзаменъ" и не всякій, „получившій дипломъ", не всякій „—профессоръ и академикъ". Двигая жизнь дальше, приспособляя „культуру" къ новымъ потребностямъ развитія, критически-мыслящая личность тѣмъ самымъ перерабатываетъ ее въ „цивилизацію". Такъ становится она творцомъ историческаго прогресса. Въ объективный ходъ общественнаго развитія она вноситъ свои высокія цѣли—а именно, созданіе такихъ формъ общественности, которыя позволяли бы к а ж д о й личности достигнуть всесторонняго развитія „въ физическомъ, умственномъ и нравственнымъ отношеніяхъ", или, иначе „воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости". Превращая „культуру" въ „цивилизацію", критически-мыслящая личность превращаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ „процессъ" исторіи въ „прогрессъ" исторіи. Такъ становится интеллигенція—деміургомъ исторіи. Выполняя это свое высокое предначертаніе, критически-мыслящая личность возвращаетъ тѣмъ самымъ народу то, что она отъ него получила. Свою критическую мысль интел-

[1]) Русановъ: П. Л. Лавровъ. Былое, 1907. № 2.

лигентъ могъ развить въ себѣ только потому, что милліоны были обречены работать, лишенные свѣта и воздуха, знаній и красоты. Такъ какъ каждое „удобство“, которымъ пользуется интеллигентъ, каждая „мысль“, которую онъ имѣлъ досугъ пріобрѣсти, „выработать“, куплены „кровью, страданіями или трудомъ милліоновъ“, то критически-мыслящая личность, безсильная и „исправить прошлое“ и „отказаться отъ своего развитія“, сниметъ съ себя „отвѣтственность за кровавую цѣну своего развитія“, если „уменьшить зло въ настоящемъ и будущемъ“. А эта обязанность расплаты съ народомъ для нея тѣмъ легче, что наполнить ея сердце счастьемъ. Ибо „отыскивая и распространяя истину“, „уясняя себѣ справедливый строй жизни“, „стремясь воплотить его“, критически-мыслящая личность не только дѣлаетъ все, что можетъ „для страждущаго большинства въ настоящемъ и будущемъ“, но и „увеличиваетъ собственное наслажденіе“.

Чаруя интеллигенцію, только что выступившую на сцену исторіи, грандіознымъ образомъ критически мыслящей личности въ роли творца, превращающаго „культуру“ въ „цивилизацію“, а „процессъ“ исторіи въ „прогрессъ“ исторіи, „Историческія Письма“ Лаврова подкупали своимъ ученіемъ о долгѣ этой критически мыслящей личности передъ народомъ и о ея обязанности „снять съ себя отвѣтственность за кровавую цѣну ея развитія“ чрезвычайно многочисленную и вліятельную въ семидесятыхъ годахъ группу интеллигенціи, а именно „кающихся дворянъ“, этихъ — по выраженію одного изъ крупнѣйшихъ идеологовъ эпохи — представителей „уязвленной совѣсти“. Подъ неотразимо-увлекающимъ впечатлѣніемъ отъ этихъ „Писемъ“ двинулась въ началѣ семидесятыхъ годовъ (1872) передовая интеллигенція въ народъ, въ деревню, въ качествѣ пропагандистовъ и бунтарей. Это было движеніе „стихійное“, по опредѣленію Кропоткина, „одно изъ тѣхъ массовыхъ движеній, которыя наблюдаются въ моментъ пробужденія человѣческой совѣсти“. Это былъ, по выраженію Степняка-Кравчинскаго, скорѣе какой-то „крестовый походъ“. „Люди стремились не только къ достиженію опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ удовлетворенію глубокой потребности личнаго нравственнаго очищенія“. „Соціализмъ“ былъ для нихъ „религіей“, а народъ „божествомъ“. Наткнувшись въ своей бунтарско-пропагандистской дѣятельности, часто просто просвѣтительно-культурной, не только на равнодушіе народныхъ массъ, но и на непреоборимыя полицейскія препятствія, критически мыслящая личность — возмутилась. Громче голоса „кающихся дворянъ“, стремившихся „снять съ себя отвѣтственность за кровавую цѣну своего развитія“, послышался голосъ интеллигентовъ-разночинцевъ, этихъ по выраженію упомянутаго идеолога эпохи представителей „возмущенной чести“. Призывъ къ служенію народу смѣнился призывомъ къ борьбѣ съ правительственной системой. Пропагандистовъ и бунтарей, „деревенщиковъ“ смѣнили народовольцы. Въ такой же, если не въ большей степени сознавали они себя творцами исторіи. Опираясь лишь на себя (хотя и пропагандируя среди рабочихъ и среди офицерства), они взяли на себя огромную задачу однимъ взмахомъ превратить „процессъ“ исторіи въ „прогрессъ“ исторіи. Подобно библейскому силачу они взвалили себѣ на плечи газскія ворота, чтобы отнести ихъ на вершину горы, но газскія ворота оказались имъ — не по силамъ.

Критически-мыслящая личность не претворила „процесса“ исторіи въ „прогрессъ“. „Мысль“, этотъ молотъ, которымъ она хотѣла выковать свѣтлое будущее, оказалась обманщицей.

Подъ гнетущимъ сознаніемъ этой катастрофы слагался душевный міръ восьмидесятника. Онъ еще живо помнилъ поколѣнье борцовъ, стремившихся „не безполезно жизнь прожить“, поколѣнье, которому „отъ начала и до заката дней“ звучалъ голосъ идеала

Впередъ за міръ и за людей.

Онъ помнилъ, съ какой бодрой вѣрой, съ какой радостной надеждой они вступали въ жизнь, но обманула ихъ увѣренность, что близко время —

Когда, какъ дивное сіяніе,
Блеснетъ повсюду надъ землей —
Свобода, честность, правда, знанье
И трудъ высокій и святой!

Для интеллигента-восьмидесятника было очевидно, что мысль, это главное оружіе критически мыслящей личности, этотъ волшебный ключъ отъ вратъ заколдованнаго эдема, не сдержала своего слова, не оправдала возложенныхъ на нее надеждъ. Если семидесятникъ,

воспитанный на „Историческихъ Письмахъ“ Лаврова, беззавѣтно вѣрилъ въ мысль, то восьмидесятникъ Надсонъ, свидѣтель крушенья идеаловъ старшихъ братьевъ, былъ готовъ ее проклинать, ее, „въ дерзкомъ ослѣпленіи весь міръ мечтавшую сіяніемъ озарить“.

Къ чему кипѣла ты въ работѣ неустанной?
Что людямъ ты дала и что дала ты мнѣ?
Не указала ты изъ мглы исходъ желанный,
Не помогла родимой сторонѣ!

Между тѣмъ, какъ старшіе братья ясно видѣли передъ собою опредѣленную цѣль: „воплощенье въ общественныя формы истины и справедливости“, между тѣмъ, какъ они были убѣждены, что „процессъ“ исторіи они превратятъ въ „прогрессъ“ исторіи, младшее поколѣніе, вышедшее на историческую сцену послѣ ихъ разгрома, подъ свѣжимъ и тягостнымъ впечатлѣніемъ ихъ крушенія, усматривало въ историческомъ движеніи уже только „процессъ“, а не „прогрессъ“. Все по прежнему жизнь шла впередъ своимъ властнымъ шагомъ, шла впередъ „сильная“ и „свѣтлая“, а восьмидесятникъ Надсонъ, хватался въ изступленіи за край ея одежды и съ искривленнымъ отъ муки лицомъ, задыхаясь, бросалъ ей въ лицо слова, полныя злобы и гнѣва:

Арестъ.
Съ картины И. Рѣпина.

Въ твоихъ законахъ смысла нѣтъ
И цѣли нѣтъ въ твоемъ движеньи!

А когда онъ обращалъ свои взоры за грани настоящаго, туда, гдѣ старшимъ братьямъ мерещился миражъ обѣтованнаго рая, восьмидесятникъ не видѣлъ тамъ ничего, кромѣ зіяющей пустоты и восклицалъ угрюмо вмѣстѣ съ Надсономъ:

Темно грядущее. Пытливый умъ людей
Предъ тайною его безсильно замираетъ.

Такъ, обманутый мыслью, не оправдавшей возложенныхъ на нее надеждъ, не улавливая въ „процессѣ“ исторіи „прогресса“, восьмидесятникъ погружался въ пессимизмъ, невѣдомый старшимъ братьямъ. „Жизнь безъ призванія“ давила его, какъ кошмаръ, и вмѣстѣ съ Надсономъ онъ порою восклицалъ:

Мнѣ кажется, что я схожу съ ума!

И передъ нимъ, извѣрившимся и изстрадавшимся, вставалъ изъ тьмы прошлаго образъ великаго проповѣдника Нирваны, образъ Будды (Надсонъ трижды пытался его возсоздать). Сквозь эти мечты о небытіи все громче однако пробивалось въ душѣ интеллигента-восьмидесятника иное настроеніе. Если борьба за страждущихъ, которой старшіе братья посвятили

всю свою жизнь, въ которой они видѣли свой „неоплатный долгъ передъ народомъ“, завершилась катастрофой, если „критически-мыслящая личность“ вовсе не является деміургомъ исторіи, если исторія есть только „процессъ“, а не „прогрессъ“, то не разумнѣе ли жить во имя собственнаго самоутвержденія?

И душа восьмидесятника стала ареной потрясающей драмы. Актерами въ ней были „альтруизмъ“, унаслѣдованный отъ „Историческихъ Писемъ“ Лаврова, и „эгоизмъ“, взлелѣянный крушеніемь поколѣнія борцовъ-революціонеровъ. Вчера еще поэтъ этого печальнаго безвременья былъ готовъ „отречься отъ личнаго счастья“, вчера онъ еще „клеймилъ презрѣньемъ всѣхъ этихъ сытыхъ людей“, вчера онъ еще говорилъ:

Что покуда на свѣтѣ есть слезы
И покуда царитъ непроглядная тьма,
Безконечно постыдны заботы и грезы
О теплѣ и довольствѣ родного угла.

А сегодня, когда въ окно заглянула весна, ему уже „безумно хочется счастья“.

Все чаще въ ушахъ восьмидесятника раздавался голосъ искусителя-демона, звавшаго его забыть старые идеалы — все равно потерпѣвшіе крушенье — и зажить своей личной удобной и пріятной жизнью:

За братьевъ, страждущихъ въ удушливой ночи,
Не исходи по каплѣ кровью;
Не стоитъ жалкій міръ ни жертвъ, ни слезъ,
Ищи-жъ и для себя благоуханныхъ розъ!

И бывали „мгновенія“, когда интеллигентъ-восьмидесятникъ внималъ голосу искусителя, когда онъ, по примѣру поэта этого поколѣнія безвременья, былъ готовъ „украсить цвѣтами стѣны тюрьмы“ и „вспугнуть огнями поэзіи“ ютившихся въ ней „мышей, паутину и тьму“, когда онъ словами Надсона говорилъ себѣ и другимъ:

Прочь же мрачныя думы и слезы, все прочь,
Что рождаетъ тоску и сомнѣнья!
Мы на пиръ нашъ друзей и подругъ созовемъ
И въ объятьяхъ любви беззавѣтно уснемъ...

Въ такія „мгновенія“ онъ былъ готовъ проклинать каждаго, кто за „сплетенными сѣтью цвѣтами“ упрямо будетъ видѣть все ту же „тюрьму“, каждаго, кто крикнулъ бы пирующимъ „опомнитесь, братья!“

Поэтъ восьмидесятыхъ годовъ, поэтъ безвременья, Надсонъ лично остался въ душѣ вѣренъ старымъ альтруистическимъ завѣтамъ семидесятниковъ. Послѣднее слово осталось не за демономъ-искусителемъ. Слишкомъ рано торжествовалъ онъ. Вотъ онъ появляется изъ-за угла, отвѣшиваетъ ироническій поклонъ и напоминаетъ поэту о его былыхъ клятвахъ — „отречься отъ радости жизни для битвы со зломъ“. Поэтъ выпрямляется. Снова ярко и громко звучатъ въ его сердцѣ старыя „забытыя слова“.

Да, смѣйся,
Что мнѣ малодушному хочется счастья,
Какъ путнику тѣни въ томительный день,
Но знаю я твердо, что скоро съ тобою
Я слажу, мой демонъ, изгнавъ тебя прочь
И сердце, какъ въ старь, не сожмется тоскою —
Тоскою о счастьи въ весеннюю ночь.

И также, какъ искусителя-демона, гналъ Надсонъ отъ себя другую опасную сирену — соблазнительницу. Воспитанный въ традиціяхъ семидесятниковъ, признававшихъ лишь такую поэзію, которая ведетъ людей „въ бой съ неправдою и тьмой“, онъ видѣлъ порою передъ собой иной образъ поэзіи — „прелестницу нагую“ въ вѣнкѣ изъ „душистыхъ розъ“, несущую съ собой „гармонію небесъ и преданность мечтѣ“.

И былъ законъ ея — искусство для искусства.
И былъ завѣтъ ея — служенье красотѣ

